

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Философский факультет

Общество историков русской философии
им. В.В. Зеньковского

МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«МУЗЕИ НАУКОГРАДА КОРОЛЁВ»

Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина
Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве

«ДОМ А.Ф. ЛОСЕВА» –
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА И МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
Семинар «Русская философия»

VII Международная научная конференция

**САД РАСХОДЯЩИХСЯ ТРОП:
Флоренский, Розанов, Дурылин et cetera**

17–19 мая 2022 г.

Москва

2022

УДК 130.2(063)
ББК 87.8я431
С14

ISBN 978-5-7281-3153-3

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2022

Оргкомитет

А.И. Резниченко, д-р филос. наук, проф., РГГУ, Москва/ МБУК «Музейное объединение “Музеи наукограда Королёв”»
(*председатель оргкомитета*)

С.А. Коначева, д-р филос. наук, проф., декан философского факультета РГГУ, Москва (*сопредседатель оргкомитета*)

И.А. Едошина, д-р культурологии, проф., КГУ, Кострома

А.С. Калашников, заведомом «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина» Музейного объединения «Музеи наукограда Королёв»

Е.В. Куценко, засл. работник культуры РФ, директор МБУК «Музейное объединение “Музеи наукограда Королёв”»

О.В. Марченко, д-р филос. наук, проф., РГГУ, Москва

В.П. Троицкий, ст. науч. сотр. «”Дом А.Ф. Лосева” – научная библиотека и мемориальный музей», Москва

Д.М. Дорохина, ст. преп. ФФ РГГУ (*секретарь оргкомитета*)

ПРОГРАММА

17 мая, вторник

*Королев М.о., мкрн. Болшево, ул. Марины Цветаевой, 15
Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв»
Отдел «Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве»
Конференц-зал*

11.00–11.30 Приветственное слово

Елена Владимировна Куценко, директор Музейного объединения «Музеи наукограда Королёв», заслуженный работник культуры Российской Федерации

Кофе-брейк

11.30–13.00 Утреннее заседание

Модератор: И.В. Шкурлатовская, заведующая «Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве» Музейного объединения «Музеи наукограда Королёв»

*Рукавишников А.Г., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва
Роль эстетического в становлении русского религиозного возрождения: оценка Н.М. Зёрнова*

*Никифорова А.С., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва
Идеи абстракционизма и конструктивизма в контексте философских теорий Павла Флоренского*

*Коренева Н.А., ПСТГУ, Москва
Иконописный канон (один пример рецепции идей отца П. Флоренского в современном церковном искусстве)*

Дискуссия

- 13.00–14.00 Экскурсия по основной экспозиции и выставкам Мемориального Дома-музея Марины Цветаевой в Болшеве
- 14.00–15.00 Обед
- 15.00–17.00 Дневное заседание

*Королёв М.о., мкрн. Болшево, ул. Свободная, 12
Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв»
Отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина»
Сад*

Модератор: И.В. Мотеюнайте

*Корнилов С.В., БФУ им. И. Канта, Калининград
Философская школа Московской Духовной Академии
и П.А. Флоренский (эволюция проблемного поля
и понятийного аппарата)*

*Мотеюнайте И.В., ПсковГУ, Псков
Работа С.Н. Дурылина с мемуарами о Н.С. Лескове*

*Кнорре Е.Ю., ИМЛИ РАН//ПСТГУ, Москва
«Молитва – мост»: тропинка в Божий мир в дневниках
М.М. Пришвина и С.Н. Дурылина периода Гражданской
войны (1918–1922 гг.)*

Дискуссия

- 17.00–18.00 Экскурсия по основной экспозиции и выставкам Мемориального Дома-музея С.Н. Дурылина

18 мая, среда

РГГУ, Москва, ул. Чаянова, 15. Ауд. 273

10.00–14.00 Пленарное заседание

Модератор: А.И. Резниченко

Коначева С.А., РГГУ, Москва

Отрешенность осмысляющего мышления и отрешение апофазиса: интерпретация мистической теологии Майстера Экхарта у В.Н. Лосского и М. Хайдеггера

Мелих Ю.Б., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

О старом по-новому

Юрганов А.Л., РГГУ, Москва

Французский роман Виктора Гюго «Отверженные», или Почему этот роман нравился славянофилу Федору Достоевскому? Размышления историка-русиста

Резниченко А.И., РГГУ/Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурьлина МОК, Москва

Повседневность и Событие Взыскующих Града

Едошина И.А., КГУ, Кострома

«Уединенное» Василия Розанова: жизнь НЕ как она есть (к 100-летию первой публикации)

Марченко О.В., РГГУ / МГК им. П.И. Чайковского, Москва

Книга В.Ф. Эрна о Г.С. Сковороде – к 110-летию публикации

Троицкий В.П., «Дом Лосева», Москва

Об одном истолковании преобразования Лоренца: «Весь платонизм в этой формуле!»

Дискуссия

14.00–15.00 Обед

15.00–17.30 Дневное заседание

Модераторы: И.А. Едошина, В.П. Троицкий

Голубкова А.А., *РГДБ, Москва*

Василий Розанов и современная ему литература: точки сближения и отталкивания

Логинов А.В., *РГГУ / РАНХиГС, Москва*

Политические аспекты «нового религиозного сознания»: Розанов и Мережковский

Флоренский И.В., *МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва*

Политический платонизм священника П. А. Флоренского. «Предполагаемое государственное устройство в будущем»

Павлов И.И., *НИУ ВШЭ, Москва*

От «нового религиозного сознания» к «новой духовности»: рецепция учения Д.С. Мережковского в поздней философии Н.А. Бердяева

Цибизова Л.А., *ВГИК, Москва*

В.В. Розанов. «Опавшие листья»: почему так?

Агеев К.С., *МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва*

Печатная полемика между Василием Розановым и Корнеем Чуковским

Дискуссия

19 мая, четверг

11.30–18.00 ZOOM

Модераторы: А.И. Резниченко, Д.М. Дорохина

11.30–14.00 Утреннее заседание

Левина Т.В., *Academy in Exile, Germany*

Красный крест, Черный квадрат: Малевич, Ленин и русская религиозная философия

Михеенко Н.В., *Киржачский Свято-Благовещенский женский монастырь, Киржач*

Начало киржачской ссылки С.Н. Дурылина

Соломонова А.А., *ВКА им. А.Ф. Можайского, СПб.*

Журнал «СЛОН» и газета «Новые Соловки» как единый текст и диалог с большой литературой

Гравина И.В., *НИУ ВШЭ, Москва*

Проблема единого: отечественный и европейский опыт осмысления

Тонковидова А.В., *КГУФКСТ, Краснодар*

Символы соборности (на материалах философии П. Флоренского, С. Булгакова, С. Франка, Н. Бердяева)

Гравин А.А., *ИМЛИ РАН, Москва / СИ РАН СПб.*

«Я» говорящего в коммуникативной концепции символа Людмилы Гоготишвили

Дискуссия

14.00–16.30 Дневное заседание

Михайлова Е.Е., *ТГТУ, Тверь*

Л.П. Карсавин: научное и художественное прочтение истории

Шибаетова М.М., *МГИК, Москва*

Место культуры в концепции всеединства Л.П. Карсавина

Вахитов Р.Р., *БашГУ, Уфа*

Евразийство: сущность и явления

Медоваров М.В., *НИ НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород*

Теоретический и практический вклад Василия Никитина в евразийское движение

Шиян А.А., *РГГУ, Москва*

Гносеология В.Э. Сеземана: преемственность и новаторство

Дорохина Д.М., *РГГУ, Москва*

Границы исторической памяти: дневники и «биографические ситуации» (С. Франк)

Соловьев А.П., *КФУ, Казань*

Секулярное как политическая теология в религиозной философии П.А. Флоренского

Дискуссия

16.30–18.00 Вечернее заседание

Модератор: В.И. Кейдан, *Рим, Италия*

Участствуют:

А.Б. Шишкин, *Исследовательский центр изучения Вячеслава Иванова в Риме / Университет Салерно, Италия,*

А.И. Резниченко

Презентация научных изданий

С.Н. Булгаков: Pro et contra. Т. 2. / Сост. и коммент. иером. Мефодия (Зинковского), иером. Кирилла (Зинковского), А.И. Резниченко, иером. Тихона (Васильева). СПб.: РХГА, 2021

Взыскующие града: Антология. Книга IV: 1907–1908.
Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 / Сост. В.И. Кейдан;
Предисл. А.И. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2022

Регламент конференции

Доклад: 20–25 мин

Общая дискуссия по окончании заседания: 15–20 мин

Кофе-брейки проводятся во время заседаний

по усмотрению модератора

Время на кофе-брейк: 10–15 мин

ТЕЗИСЫ

Роль эстетического
в становлении русского религиозного возрождения:
оценка Н.М. Зёрнова

Андрей Г. Рукавишников

*кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры
эстетики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
+7(926)6839911, rukavishnikov@philos.msu.ru*

The role of the aesthetics
in the formation of the Russian religious renaissance:
N.M. Zernov's assessment

Andrey G. Rukavishnikov

*Cand. of Sci. (Philosophy), senior lecturer of the Department of Aesthetics
at the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University*

Abstract. The report will focus on the aesthetic coloring of the origins of the The Russian Religious Renaissance of the XX century. Among the authors who have determined this orientation, we can name A.S. Khomyakov, F.M. Dostoevsky, V.S. Solovyov. Russian theologian N.M. Zernov, a representative of the Russian emigration, said that they are the «three prophets» who announced the need to return the religious dimension to the life of the Russian intelligentsia. From Zernov's point of view, the saturation of Russian culture with a religious principle, the memory of Christ stored in it, makes it useful and necessary for Western society, allows it to be in demand in an intercultural dialogue.

Keywords: Nicolas Zernov, A.S. Khomyakov, F.M. Dostoevsky, V.S. Solovyov, Ecumenism, The Russian Religious Renaissance, intercultural dialogue, aesthetic dimension, The Russian Silver Age, Russian Orthodox Church

В истории русской эмиграции Николай Михайлович Зёрнов обычно обозначается, в первую очередь, как сторонник экуменического движения. Именно с этой точки зрения его деятельность одними исследователями оценивается крайне положительно, а другими – резко отрицательно. Однако, помимо вопросов межконфессионального и межцерковного диалога, Зёрнов много размышлял о судьбе русской культуры в целом и главным образом о том, чем именно и в каком статусе русская культура может быть полезна на Западе. В каком-то смысле он солидаризировался с теми представителями русского зарубежья, которые, признавая трагизм и горечь своего изгнаннического положения, считали его глубоко промыслительным, способствующим активному распространению ценностей русской культуры в инокультурной среде.

Один из главных уроков, который может преподать русская культура западной, заключается в идее органической целостности, нерасторжимости культуры и христианства. Урок этот может быть вдвойне эффективнее, если вспомнить, насколько сложными и противоречивыми были отношения русской интеллигенции и Церкви в послепетровскую эпоху и насколько трагичным, болезненным был возврат к религиозным истокам, к поиску новых путей взаимодействия с Церковью. В книге «Русское религиозное возрождение XX века» Зёрнов описывает этот процесс, подробно останавливаясь на самом его начале, рубеже XIX и XX вв. – короткой эпохе, когда, по словам Н.А. Бердяева, произошло «обострение эстетической чувствительности». Следуя за Бердяевым, Зёрнов констатирует, что жажда религиозности (отчасти мистико-эзотерического, нехристианского характера) вновь возникла на русской почве в творческой, преимущественно литературной среде, и это в некотором смысле предопределило как внутреннюю специфику, так и дальнейшую траекторию развития русской культуры.

В настоящем докладе планируется, во-первых, всесторонне проанализировать «эстетическую окраску» истоков русского религиозного возрождения, связав такую его направленность, главным образом, с творчеством А.С. Хомякова, Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьёва. Во-вторых, важно сфокусировать внимание на некоторых деталях биографии и деятельности Н.М. Зёрнова, чтобы понять, каким образом ему удавалось, как он сам выразился, «воплощать идеи русского религиозного возрождения начала XX в. в конкретные формы церковно-общественной деятельности». В-третьих, необходимо коротко остановиться на понимании Зёрновым специфики русского православия и основных черт русского религиозного мышления.

Идеи абстракционизма и конструктивизма
в контексте философских теорий Павла Флоренского

Анна С. Никифорова

*кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры
философии гуманитарных факультетов философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова, +7(963)694-58-90, annasn@mail.ru*

The Ideas of Abstractionism and Constructivism
in the Context of the Philosophical Theories
of Pavel Florensky

Anna S. Nikiforova

*Cand. of Sci. (Philosophy), senior lecturer of the Department
of Philosophy of the Humanities Faculties, the Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University*

Abstract. In his works, Pavel Florensky often acts not so much as a philosopher, but as an art theorist, solving the problems of artistic space, time, and reverse perspective. The theory of art cannot but affect the general foundations on which development of art of its contemporaries is based, their projects of the new art, free from the pressure of empiricism and positivism. The report presents the key lines of development of the artistic process, contemporaneous with Pavel Florensky. The conditional division into abstractionism and constructivism makes it possible to highlight the key trends of the era, note similarities and differences in the ideas and works of art of the Russian avant-garde. The theories of Pavel Florensky (image as a symbol, existential reality of the image, search for the transcendent) contribute to more precise description of the general aspirations of the artistic thought of this period. The report also reflects significant differences between the theories of Pavel Florensky and the ideas of artists, his fears and distrust of the artistic search, despite common art-theoretical problematicity.

Keywords: abstractionism, constructivism, Florensky, Malevich, Kandinsky, Larionov, Tatlin, suprematism, transcendence, art, reverse perspective, the icon

В своих работах Павел Флоренский часто выступает не столько как философ, сколько как теоретик искусства, решающий проблемы художественного пространства, времени, обратной

перспективы. Вопросы теории искусства не могут не затрагивать те общие основания, на которых вырастает творчество его современников, их проекты нового искусства, свободного от давления эмпиризма и позитивизма. Многие идеи главных художников-новаторов, работавших в России, были подготовлены философией и эстетикой символизма и во многом на них основывалась. Поиски беспредметных форм, критика репрезентации в живописи, «платонизм» как способ мышления, открытие русской иконы и её изучение, теории художественного пространства, способного создавать свой «малый мир» – это только краткий перечень тем, внутри которых развивались мастера авангарда.

Теории Павла Флоренского (изображение как символ, бытийственная реальность образа, поиски трансцендентного, анализ пространственности и времени) помогают точнее описать общие устремления художественной мысли данного периода. В докладе представлены ключевые линии развития художественного процесса, современником которого был Павел Флоренский. Условное разделение на абстракционизм и конструктивизм позволяет выделить главные тенденции эпохи, отметить их сходства и различия в идеях и самих произведениях искусства мастеров русского авангарда.

Супрематические «фигуры» Малевича, формы Кандинского, контррельефы Татлина ничего не изображают, не дублируют действительность, а претендуют на самостоятельное существование. Стремление к беспредметности «органической» или геометрической позволяет объединить данные поиски общим словом «абстракция», что приводит нас к проблеме образа и к богословскому осмыслению иконы. От визуальных поисков на плоскости и в объеме художники перешли к осознанию конструкции пространства, что позволяет говорить о конструктивизме как особом направлении в искусстве. Флоренский, работая во ВХУТЕМАС с Родченко и Татлиным, знал об их творческих поисках, разрабатывая свою концепцию художественного пространства, которая пусть и косвенно, но находилась во взаимосвязи с поисками его коллег, в особенности с теорией Владимира Фаворского, близкого Флоренскому в 1920-х гг.

В докладе отражены и существенные различия между теориями Павла Флоренского и идеями художников, его опасения и недоверие ко многим художественным исканиям, несмотря на общность художественно-теоретической проблематики.

Иконописный канон
(один пример рецепции идей отца П. Флоренского
в современном церковном искусстве)

Надежда А. Коренева

*преподаватель кафедры философии и религиоведения ПСТГУ
swordflag@yandex.ru ORCID: 0000-0002-5329-3383*

The iconographic canon
(one example of the reception of the ideas
of Father P. Florensky in modern church art)

Nadezhda A. Koreneva

*St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
swordflag@yandex.ru ORCID: 0000-0002-5329-3383*

Abstract. It is difficult to exaggerate the popularity of fr. Pavel Florensky on canonical iconography, in which, in his opinion, the ancient masters use the so-called “reverse perspective”, opposed to the system of direct perspective adopted in Western painting. In the second half of the XX century, these ideas of Florensky often receive a diametrically opposite assessment: from sharply negative to enthusiastic (both in theology and in art criticism). Their popularity even inspired the creation by Soviet scientists L.F. Zhegin and B.V. Rauschenbach of several works theoretically substantiating the existence of a special pictorial system of the Old Russian icon. Currently, these ideas of Florensky are receiving quite an interesting development: they, as well as the works of the above-mentioned authors, served as the basis for a long Internet discussion with the participation of famous iconographers about the canon in iconography, by which certain modern artists mean the original pictorial system characteristic of Orthodox medieval iconography. The reconstruction of this system, according to these iconographers, could contribute to the revival of canonical iconography, which is in a state of stagnation. However, their opponents resort to the examples they already have of criticizing Florensky’s ideas as modernist, unrelated to the Orthodox tradition. This discussion continues and, probably, in the future, researchers will receive new deeper and more interesting justifications for each of the positions.

Keywords: Florensky’s philosophy, icon theology, canon, modern icon painting, tradition, modernism, Zhegin, Rauschenbach

Сложно преувеличить популярность идей о. Павла Флоренского о канонической иконописи, в которой, по его мнению, древние мастера используют т.н. «обратную перспективу», противопоставляемую принятой в западной живописи системе прямой перспективы. Во второй половине XX в. эти идеи Флоренского нередко получают диаметрально противоположную оценку: от резко негативной до восторженной (как в богословии, так и в искусствоведении). Их популярность даже вдохновила создание советскими учеными Л.Ф. Жегиным и Б.В. Раушенбахом нескольких работ, теоретически обосновывающих существование особой изобразительной системы древнерусской иконы. В настоящее время данные идеи Флоренского получают довольно интересное развитие: они, а также работы вышеназванных авторов, послужили основой для продолжительной интернет-дискуссии с участием известных иконописцев о каноне в иконописи, под которым определенные современные художники подразумевают оригинальную изобразительную систему, характерную для православной средневековой иконописи. Реконструкция данной системы, по мнению этих иконописцев, могла бы способствовать возрождению канонической иконописи, находящейся в состоянии стагнации. Однако их оппоненты прибегают к уже имеющимся у них примерам критики идей Флоренского как модернистских, не имеющих отношения к православной традиции. Эта дискуссия продолжается и, вероятно, в дальнейшем исследователи получат новые более глубокие и интересные обоснования каждой из позиций.

Ключевые слова: философия Флоренского, богословие иконы, канон, современная иконопись, традиция, модернизм, Жегин, Раушенбах

Философская школа
Московской Духовной Академии и П.А. Флоренский
(эволюция проблемного поля и понятийного аппарата)

Сергей В. Корнилов

*доктор философских наук, профессор,
БФУ им. И. Канта, Калининград, korns2009@rambler.ru*

Philosophical school
of the Moscow Theological Academy and P.A. Florensky
(evolution of the problem field and conceptual apparatus)

Sergei V. Kornilov

*Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, korns2009@rambler.ru*

Abstract. The philosophical school of the Moscow Theological Academy gave powerful impulses for spiritual development, which was clearly manifested in the work of P.A. Florensky. The essential knowledge of truth was conceived by Florensky not simply as touching it, but as entering into its depths. Accordingly, the conceptual structure of his thinking was formed, which included such elements as: “spiritual life”, “antinomy”, “knowledge”, “Pillar of Truth”, “faith”, “feat”, “Triune Truth”, “symbol”, “Sophia-Wisdom”, “humility of heart”, “gracious love”, etc. The disunity of essence and phenomenon was never understood by him as an external relationship. On the contrary, he believed that the phenomenon was the noumenon itself, the phenomenon was the revelation of the spiritual world. Each object hides a symbol, a certain spiritual and material structure, and the covers of matter speak of entities that would be invisible without them. The question of how the general is combined with the particular, the abstract with the concrete, and the spiritual with the sensual, Florensky called the main mystery that worried him throughout his life. P.A. Florensky brought to the fore the question of the ontological nature of the symbol. In the symbol there is a revelation of one being in another being. Symbolization, thus, forms the general architectonics of P.A. Florensky, essentially defining the originality of the problem field and the conceptual apparatus of the thinker.

Keywords: P. Florensky, Moscow Theological Academy, conceptual apparatus, problematic field, symbolism, antinomy, Pillar of Truth, faith, achievement.

Известно, что задачей каждого учителя является воспитание такого ученика, который превзошел бы его самого. Из школы Платона вышел Аристотель, Московская духовная академия (МДА) вскормила Павла Флоренского. Органично усвоивший идеи мыслителей философской школы МДА, П.А. Флоренский осуществил фундаментальный теоретический синтез, ставший одним из самых значительных открытий философии XX в. Что же наследовал Флоренский в философской традиции Академии и в чем состоит то новое, что теперь связывается с его именем?

Самостоятельное философское движение в Академии начинается с учения Ф.А. Голубинского (1797–1854), ставшего отправным для его учеников. Самый известный среди них – В.Д. Кудрявцев-Платонов (1828–1891), ему передал он философскую кафедру. Кудрявцев-Платонов в свою очередь был наставником А.И. Введенского (1861–1913), а последний – учителем П.А. Флоренского (1882–1937) – такова была непрерывная, длящаяся более столетия линия развития отечественной философской мысли.

Философская школа МДА дала мощные импульсы для духовного развития, что ярко проявилось в творчестве П.А. Флоренского. Сущностное познание истины мыслилось Флоренским не просто как ее касание, а как вхождение в ее недра. Соответственно формировался понятийный строй его мышления, включивший такие элементы как: «духовная жизнь», «антиномия», «познание», «Столп Истины», «вера», «подвиг», «Триединая Истина», «символ», «София-Премудрость», «смирение сердца», «любовь благодатная», «духоносная личность», «обожение», «стяжание любви» и др.

Разобщенность сущности и явления никогда не мыслилась им как внешнее отношение. Напротив, он полагал, что феномен был самим ноуменом, явление – раскрытием духовного мира. В каждом предмете таится символ, некая духовно-вещественная структура, и покровы вещества говорят о сущностях, которые без них были бы незримы. Вопрос о том, как общее сочетается с частным, отвлеченное – с конкретным, а духовное – с чувственным, Флоренский называл основной загадкой, волновавшей его на протяжении всей жизни.

Проблема символа интуитивно воспринималась им как «просвечивание сквозь действительность иных миров», означала подглядывание тайны. Так называемые законы природы, с этой точки зрения, казались маской, из-под которой выглядывала подлинная реальность. Если отвлечься от обыденного, привычного, то можно почувствовать присутствие иного, ранее не замечаемого. Сама природа содержит подсказку человеку, направляя его познание по истинному пути: таковы поющие пески, пещеры с нависшими

сталактитами, человекообразные скалы, колосс Мемнона, издающий звуки при восходе Солнца.

П.А. Флоренского выдвинул на первый план вопрос об онтологической природе символа. В символе происходит откровение одного бытия в другом бытии. Символизация, таким образом, образует общую архитектонику мышления П.А. Флоренского, существенно определяя своеобразие проблемного поля и понятийного аппарата мыслителя.

«Молитва – мост»:
тропинка в Божий мир в дневниках М.М. Пришвина
и С.Н. Дурылина периода Гражданской войны
(1918–1922 гг.)

Елена Ю. Кнорре
Москва, ИМЛИ РАН, ПСТГУ

Аннотация. В докладе сопоставляется образ молитвы в дневниках М.М. Пришвина 1918–1922 гг. и в «Троицких записках» С. Дурылина 1918–1919 гг. Анализируется образный ряд: война/катастрофа/воды Стикса; бесовая оболочка/темная вуаль на сердце; враги/враг; Россия/Китеж; молитва/лестница/спираль восхождения/путь. Делается вывод о том, что молитва обнаруживает переход из пространства войны в пространство Божьего мира, путь в который ищут авторы дневника.

Ключевые слова: молитва, мир Божий, Невидимый град, град Божий, Гражданская война, Россия-Китеж, христианский персонализм, дневники М. Пришвина, «Троицкие записки» С. Дурылина

“Prayer is a bridge”: a path to God’s world
in the diaries of M.M. Prishvin
and S.N. Durylin during the Civil War
(1918–1922)

Elena Yu. Knorre
Moscow, IMLI RAS, PSTGU

Abstract. The report compares the image of prayer in the diaries of M.M. Prishvin 1918–1922 and in the Trinity Notes by S. Durylin 1918–1919. The imagery is analyzed: war/catastrophe/waters of Styx; demonic shell/dark veil over the heart; enemies/enemy; Russia/Kitezh; prayer/ladder/spiral of ascent/path. It is concluded that prayer reveals the transition from the space of war to the space of God’s peace, the path to which the authors of the diary are looking for.

The Civil war in Russia (1918–1922) is depicted in the diaries of M. Prishvin and S. Durylin as a catastrophe of apostasy. In the “Trinity Notes” by S. Durylin (1918–1919), there is a feeling of a split in Russia (“Russia” was divided. A handful – “Holy Russia”, the rest – Russia”).

In the diaries of Prishvin (1918–1922), an image of Russia appears, which has gone under water, like Kitezh. The main intuition of Prishvin during this period is the search for a way to God's world: through the thickness of the catastrophe, to find "at least some messengers of the desired world." The path of prayer runs through the "veil" on which the face of the enemy is inscribed. "Prayer-bridge" also appears in the Trinity Notes by S. Durylin; she discovers the difference between the "abomination of the demon" and the "peace of God", between the "I" in the "turbidity" (dark waters of the Styx, "retreatment of the turbidity", "demonic shell") and the "I" in God ("Prayer is God in the world and man, and man, and the world are in God"). Prayer in Prishvin's diaries is a transition from a prayer of rebellion ("I pray that God help me not to forgive", "a dark veil" on my heart) to a prayer of repentance ("Am I to blame for my enemy?"; "Lord, be merciful to me, a sinner!"). The "enemy-enemy" correlation shifts the focus from external enemies to an internal enemy, overcoming which is the path of repentance and forgiveness. In the diaries of S. Durylin and M. Prishvin, the image of a ladder appears: the ascent to God's house is depicted as a path of transformation of the "I" in the notes of S. Durylin, in the diaries of Prishvin, an image of an ascending spiral of house-building appears ("motherland – fatherland – creative works – loving influence on people and the resurrection of the fathers"), this is the path of the "priesthood in the world", the discovery through the thickness of the catastrophe of the world, the city of God.

Keywords: prayer, God's peace, Invisible city, God's city, Civil War, Russia-Kitezh, Christian personalism, M. Prishvin's diaries, S. Durylin's Trinity Notes.

Гражданская война в России (1918–1922 гг.) запечатлевается в дневниках М. Пришвина и С. Дурюлина в образе катастрофы богоотступничества. В «Троицких записках» С. Дурюлина (1918–1919) появляется ощущение раскола России («Разделилась «россия». Кучка – «Святая Русь», остальные – Россия»). В дневниках Пришвина (1918–1922) появляется образ России, ушедшей под воду, подобно Китежу. Основная интуиция Пришвина в этот период – поиск пути в Божий мир: сквозь толщу катастрофы нащупать «хоть каких-нибудь вестников желанного мира». Путь молитвы пролегает сквозь «завесу», на которой начертан лик врага. «Молитва-мост» появляется и в «Троицких записках» С. Дурюлина; она обнаруживает разницу между «мерзостью беса» и «миром Божиим», между «я» в «мути» (темные воды Стикса, «отлегание мути», «бесовая оболочка») и «я» в Боге («Молитва – Бог в мире и человеке, и человек и мир – в Боге»). Молитва в дневниках Пришвина –

это переход от молитвы бунта («молюсь, чтобы помог мне Бог не простить», «темная вуаль» на сердце) к молитве покаяния («не я ли виноват во враге своем?»; «Господи, милостив буди мне, грешнику!»). Корреляция «враги – враг» смещает акцент с внешних врагов к внутреннему врагу, преодоление которого – путь покаяния и прощения.

В дневниках С. Дурылина и М. Пришвина появляется образ лестницы: восхождение в Божий дом изображается как путь преобразования «я» в записях С. Дурылина, в дневниках Пришвина появляется образ восходящей спирали домостроительства («родина – отечество – творческие труды – любовное воздействие на людей и воскрешение отцов»), это путь «священства в мире», обнаружение сквозь толщу катастрофы мира, града Божьего.

О старом по-новому

Юлия Б. Мелих

*доктор философских наук, профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова,
+7(499)725 18 19;yuliamelikh@yahoo.com*

About the Old in a New Way

Yuliya B. Melikh

Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Lomonosov Moscow State University

В этом году отмечается событие столетней давности – высылка из страны неугодных власти философов, поименованное «Философским пароходом». После перерыва, длящегося 70 лет, прошло уже более 30-ти лет, за это время во многом наследие русской философии было восстановлено, возвращено из эмиграции. Стали доступны архивы и частные коллекции, ведется их глубокий и кропотливый анализ, при этом ясно, что эта работа не может быть завершена.

Нами предлагается по-новому подойти к имеющемуся наследию русской философии – обновить взгляд, иначе – методологию исследований. К такому обновлению относятся поиск и разработка исторических категорий русской философии и культуры из персоналистической перспективы. Расширяется историческая категория «Отцы и дети» как специфическая для трактовки русской истории, введенная И. В. Гессеном, до культурно-исторической категории «поколение», интерпретирующей полихронность и полифоничность культуры. Категория «исторической коллективной индивидуальности», введенная Л.П. Карсавиным, применяется к трактовке имен «Философский пароход» и «Евразийство».

Показывается, что новая методология позволяет раскрыть больше, чем поиск фактологии и применение традиционных исследовательских методов: анализа, компаративистики, герменевтики и др.

Французский роман Виктора Гюго «Отверженные»,
или
Почему этот роман нравился славянофилу
Федору Достоевскому?
Размышления историка-русиста

Андрей Л. Юрганов

*доктор исторических наук, профессор, Российский государственный
гуманитарный университет, Iurganov@yandex.ru*

Victor Hugo's French novel *Les Misérables*,
or Why did the Slavophile Fyodor Dostoevsky like
this novel? Reflections of a Russian historian

Andrei L. Yurganov

*Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University
for the Humanities, Iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article examines the philosophical problem of “Russia and Europe” in the context of the new realities of the global process of unity of mankind, which cannot but be a problem for every cultural and historical community that has the right to remain itself. This process can be considered by the example of the convergence of literary novels and their authors – Victor Hugo and Fyodor Dostoevsky, the author who created the nationally colored novel *Les Misérables* and the author who wrote the novel *Idiot*, in which the problem of “Russia and Europe” has become one of the most important. The article examines how the logic of “connection” differs from the logic of “gathering”, both literary works and in the global process of political cultural integration.

Keywords: Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, Victor Hugo, the “*Les Misérables*”, the “*Idiot*”, globalization

Мир сегодня пытается объединиться в единое человечество. Вопрос – на каких основаниях? Смысл «всечеловеческого» (понятие введенное и обоснованное российским философом А.В. Смирновым) я вижу в противопоставлении двух основных логических процедур, не имеющих контекстуальных оснований, но действующих, как таблица умножения: либо люди *соединяются* – это одна логика, либо они *собираются* – это другая логика. Разница велика

и даже абсолютна: *соединяются* в организацию (партийную или иную), *собираются* в человечестве (буду изначально разными).

Вечный вопрос о России и Европе, о притяжении и отталкивании, по-прежнему в центре внимания.

Роман Виктора Гюго «Отверженные» задел Федора Достоевского не только изображением униженных и оскорбленных, но прежде всего – «русской» постановкой вопроса о «правде» (или о «восстановлении человека»), которая может быть выше «закона». Французская национальная культура создала культ «законничества», против которого и был написан роман Гюго, социальный роман-протест против несправедливости. Дух Франции, французских революций XIX столетия, выражает не Жан Вальжан, а отрицательный персонаж романа – Жавер, ибо ни одна революция после Великой Французской, не проходила без апелляций к «закону», который выше любого монарха.

«Русская цивилизация» – по словам князя Мышкина – это все то, что против принципа законного насилия на Западе! И тут – Достоевский и Гюго в некотором смысле совпадают.

Правда человека, человеческого достоинства – выше буквы закона: эта область затронута была Гюго (в социальном аспекте), и не могла не понравиться великому русскому писателю (в метафизическом аспекте).

Самая глубокая связь двух писателей – в той области, где Вальжан защищает Козетту.

Тема ребенка, детства была очень близка автору романа «Идиот», ибо юродство князя Мышкина покоилось на утверждении Достоевского (в самом романе), что настоящее единение людей достигается детским сознанием.

Миру взрослых, где не может жить князь, противопоставлен через его образ мир детей, в котором царствует простота и искренность. Если во французском романе – социальная защита ребенка *предельная грань* отношений с детством, то для русского сознания, которое концептуально выразил Достоевский – детское сознание и есть райское состояние человечества, объединяющее человечество – но и недостижимое, как утраченный рай.

Бесхитрость и простота Вальжана в социальном мире, и бесхитрость и простота князя Мышкина в мире взрослых – явления рядоположенные.

Вне-«законническая» эстетика Достоевского, воспроизводящая славянофильский дух писателя, утверждала область истинно человеческого в том, что было Правдой метафизической – что выше Закона земного; Гюго образом Вальжана тоже утверждал, но в границах мира социального, не метафизического, право человека

на неподсудность, если под судом оказывается социальная справедливость.

Притяжение и отталкивание России и Западной Европы – в том, что как одним, так и другим не хватало и не хватает дополнения – либо правды к закону, либо закона – к правде. Объединение людей в новое человечество немыслимо без признания *разных моделей* культурно-исторического опыта как опыта не единственного (в логике соединения), а всегда дополняющего (в логике собирания).

Книга В.Ф. Эрн о Г.С. Сковороде:
к 110-летию публикации

Олег В. Марченко

доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, профессор Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского

V.F. Ern's book about G.S. Skovoda:
to the 110th anniversary of publication

Oleg V. Marchenko

*Dr. of Sci. (Philosophy), professor of the Faculty of Philosophy,
Russian State University for the Humanities, professor
of the Tchaikovsky Moscow State Conservatory*

Keywords: V. Ern, P. Florensky, Gr. Skovoroda, "The Way", series "Russian Thinkers", original Russian philosophy

Нынешний 2022-й – не только год 140-летия со дня рождения Владимира Францевича Эрн (как и его друга тифлисских гимназических времен П.А.Флоренского). Это год 300-летия со дня рождения Григория Саввича Сковороды (1722–1794). Мыслитель, поэт и педагог XVIII в. занимает особое место в отечественном философском самосознании, именно Эрн показал это в серии своих работ, статей и докладов, и прежде всего в книге «Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение», которая вышла 110 лет назад, в 1912 г. Она была третьей в «путевой» серии «Русские мыслители», первые две – работа Н.А. Бердяева о А.С. Хомякове и С.А. Аскольдова об А.А. Козлове; для этой серии готовил свое исследование об о. Серрапионе Машкине Флоренский, Вяч. Иванов о Ф.И. Тютчеве, С.Н. Дурьлин о Н.С. Лескове. В книге о Гр. Сковороде, вызвавшей множество отзывов, Эрн концептуально изложил свое понимание специфики оригинальной русской философии. Концепция эта нашла разнообразный и продуктивный отклик в размышлениях многих отечественных мыслителей, от С.Л. Франка и Л.П. Карсавина до В.В. Зеньковского и А.Ф. Лосева. Как, собственно, и созданный Эрном образ личности и учения Сковороды.

Василий Розанов и современная ему литература:
точки сближения и отталкивания

Анна А. Голубкова
кандидат филологических наук,
Российская государственная детская библиотека,
anchentaube@gmail.com

Vasily Rozanov and his Contemporary Literature:
Points of Convergences and Repulsions

Anna A. Golubkova
Cand. of Sci. (Philology), Russian State Children's Library,
anchentaube@gmail.com

Abstract. Rosanov was very much skeptical concerning contemporary literature. He steadily struggled against positivism in literature and philosophy. At first he didn't like new modern literature and wrote some critical articles about it. But later Rosanov found in modernists natural associates in his fight with positivism and connected literature. Rosanov thought that the author must be above political struggles and must not use his talent for propaganda of progressive ideas. But literature can and also must include some religious ideas, wrote Rosanov in his articles. So he didn't exclude moral values and propaganda from fiction novels completely, but tried to interpret all these according to his own ideology.

Keywords: Rosanov, Chekhov, literature, literary process, contemporary, modernity, conservatism, positivism, religion, moral values, literary parties approach

К современной ему словесности Розанов относился достаточно скептически. Отчасти это связано с засильем позитивистского подхода к литературе, отчасти с общим регрессивным взглядом Розанова на историю культуры. Новое модернистское течение в литературе было воспринято им критически, о чем свидетельствует рецензия на сборники «Русские символисты» (1894–1895). Написана она была в начале 1896 г., до личного знакомства с кружком Мережковского и Гиппиус, когда Розанов все еще придерживался консервативных воззрений. Тем не менее он признает принципиальное новаторство модернистской литературы и считает вполне

закономерным ее появление. По его мнению, накопленный в Средние века запас духовности и религиозного настроения явился причиной последующего культурного расцвета. Однако этот расцвет, считает Розанов, не приносит ничего нового в мировую культуру, а только тратит собранные ранее духовные ценности.

Человек с течением времени отказывается думать о вечных ценностях и переключается на самого себя. И крайней точкой этого стремления к субъективности становится именно декадентство. Розанов отмечает отсутствие в символистской поэзии реальных предметов бытия и жизненных обстоятельств, произвольность и фрагментарность повествования. Одна из основных характерных черт нового направления – это новое понимание эротического, с которым Розанов также абсолютно не согласен. Главное, что его не устраивает, это отказ от религиозности и сведение духовного к телесному. Однако через два года эта негативная точка зрения изменится после того, как Розанов найдет в декадентах союзников в борьбе с позитивизмом. Поводом задуматься о состоянии современной литературы стала для Розанова кончина А.П. Чехова. В статье «Писатель-художник и партия» (1904) он весьма критически отзывается о писателях-современниках, на фоне которых безусловно выделялся покойный Чехов. Причину этого Розанов видит в господстве партийного подхода к литературе, который требует от писателя служения прогрессивным целям и невольно суживает его творческие способности. В статье «Перед рассветом» (1904) Розанов не только дает краткий обзор современного состояния словесности, но и рассматривает ее в исторической перспективе. Эта статья также интересна тем, что в ней политическая ситуация Российской империи прямо увязывается с печальным состоянием русской литературы. Как раз в этот период у Розанова на короткое время оживают его юношеские позитивистские воззрения, которые, впрочем, достаточно быстро сменяются еще более упорным и основательным консерватизмом.

Политические аспекты
«нового религиозного сознания»:
Розанов и Мережковский

Александр В. Логинов
*кандидат философских наук, доцент кафедры истории
отечественной философии РГГУ, доцент кафедры
гуманитарных дисциплин ИОН РАНХиГС*

Political Aspects
of the "New Religious Consciousness":
Rozanov and Merezhkovsky

Aleksandr V. Loginov
*Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of history
of national philosophy, Russian State University for the Humanities,
associate professor of the Department of Humanities, ION RANEPА*

Abstract. Recently, a lot of attention has been paid by researchers to the phenomenon of “new religious consciousness”, which appeared in Russian culture at the beginning of the XX century. Often this trend is considered exclusively as a manifestation of religious thought, associated with the literature and art of that era. The report reveals the political aspects of this phenomenon on the example of the work of V.V. Rozanov and D.S. Merezhkovsky. The political theology of these authors is directly based on the ideas of the “new religious consciousness”.

Keywords: new religious consciousness, political theology, monarchy, revolution, sacrifice, sacred, secular

В последнее время достаточно большое внимание исследователей уделяется феномену «нового религиозного сознания», появившемуся в начале XX в. в русской культуре. Часто это течение рассматривается исключительно как проявление религиозной мысли, связывается с литературой и искусством той эпохи. В рамках доклада раскрываются политические аспекты данного феномена на примере творчества В.В. Розанова и Д.С. Мережковского. Политическая теология этих авторов непосредственно опирается на идеи «нового религиозного сознания».

«Новым религиозным сознанием» принято называть течение, возникшее в русской философской мысли в начале XX в. Это доста-

точно сложное явление нужно рассматривать в контексте русской культурной и социально-политической ситуации той эпохи. Дискуссии о «новом религиозном сознании» развернулись в рамках Санкт-Петербургских религиозно-философских собраний 1901–1903 гг., а за тем были продолжены в рамках Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге. В дискуссиях принимали участие как представители интеллигенции, так и духовенства. Сам факт такой встречи был весьма необычен для русской культуры. Каждая из сторон понимала смысл этого события по-разному: светские интеллектуалы рассчитывали на обновление церковной жизни, а духовенство понимало это как удачную возможность миссионерской деятельности. Большую роль в этих дискуссиях играли В.В. Розанов и Д.С. Мережковский. Именно их, а также Н.А. Бердяева рассматривают как ведущих представителей «нового религиозного сознания». Позиции этих мыслителей очень сильно отличаются. Если Розанов отрицательно относился во многих своих работах к христианству как таковому, то Мережковский отвергал «историческую церковь», но считал себя христианином, создал своеобразное эсхатологическое учение о «Третьем завете», дополняющее первые два. Бердяев, по сравнению с перечисленными авторами, ближе всего к конфессиональному христианству, он готов принять часть церковного предания, но, в целом тоже достаточно критичен к истории христианства. Бердяев написал несколько пронизательных статей, посвященных религиозным взглядам как Розанова, так и Мережковского. В «новом религиозном сознании» с самого начала достаточно отчетливо были видны политические аспекты. Можно проследить взаимосвязь религиозных взглядов данных авторов с их политическими позициями. Как представляется, политическую теологию можно выявить в текстах Розанова и Мережковского уже начала века, но гораздо более отчетливой эта тема становится в их статьях, написанных после русской революции 1905–1907 гг. И Розанов, и Мережковский усматривали тесную взаимосвязь между православием и монархией. Розанова обычно считают монархистом, а Мережковского – убежденным противником монархии. Однако позиции их гораздо сложнее и менялись в различные периоды их творчества. Для Розанова религиозная революционность не вела непосредственно к революционности политической. В политическом смысле Розанов – скорее консерватор.

В то же время двойственность его отношения к Церкви также влияет на двойственное отношение к монархии. В 1890-е гг. Розанов был проникнут ощущением кризиса монархической власти и питал определенные надежды на ее трансформацию. Первая русская революция рассматривалась им как восстание против застывшей бюрок-

ратической системы. В более поздний период монархия обрела для него особую ценность и даже критиковавшаяся ранее бюрократия получила положительные черты. Представляется, что монархизм Розанова опирался больше не на какие-то философские или теологические идеи, а имел больше психологический характер, выводился из особенностей русского народа. Мережковский в ранний период пережил краткое увлечение монархическими идеями, в момент русской революции он сблизился с революционерами, в частности, с Савинковым и создал нечто вроде «мистики революции». Именно в этот период он критиковал глубинную связь между православием и монархией, падение которой он горячо приветствовал в 1917 г. В рамках его «нового религиозного сознания» не находится места для монархии, которую он связывал с насилием, с темным началом. Вместе с тем, для него вполне приемлемым представлялось революционное насилие. Монархизм Розанова, возможно, основан на его ветхозаветных симпатиях, а не на христианском освящении власти монарха. Мережковский, напротив, критикует монархизм именно с христианских, как ему кажется, позиций. Свои счеты с монархией Мережковский продолжал сводить и дальше в романах, посвященных русской истории, где русская монархия названа «узаконенным беззаконием».

В годы после первой русской революции он написал ряд статей, в которых выступал против единства православия и самодержавия. «Православие, самодержавие, народность», по его словам, – не три твердыни, а «три провала» на пути России в будущее. Единоличной власти он противопоставлял идеал «религиозной общественности». Это не демократия в обычном светском понимании, она освящена определенными религиозными идеями. Нередко отмечают близость «нового религиозного сознания» к западноевропейской философии жизни с ее враждебностью и к позитивизму, и к отвлеченному идеализму, к «духу». Для Мережковского идеи Ницше имели большое значение, Бердяев даже назвал его христианство «нищезирированным». Между Ницше и Мережковским есть существенное различие, в отличие от немецкого философа, он был чужд аристократическому индивидуализму. Русский мыслитель тяготел к созданию новых форм коллективности, религии «святой земли», которая должна освятить социализм как всемирное единство и «устройство людей на земле». Интенсивное общение с Савинковым приходится на 1906–1908 гг., когда Мережковский и Гиппиус написали ряд статей, оправдывающих революционное насилие. Терроризм здесь воспринимался сквозь призму жертвенности. Именно жертва оправдывала революционное насилие и становилась сакральной. К периоду общения с Савинковым относятся такие известные

статьи Мережковского, как «Революция и религия» и «Грядущий хам», в этот же период появилась знаменитая повесть Б. Савинкова «Конь Бледный», название которой предложила З. Гиппиус. «Общественность» Мережковского была конечно несколько сектантского толка и широкого влияния не имела. В ряде статей Мережковский указывал, что религиозная революция может даже предотвратить реальное военное и революционное насилие. В знаменитой статье «Грядущий Хам» он утверждал, что религия современной Европы – «не христианство, а мещанство». Здесь за восемь лет до мировой войны он предсказал «небывалую бойню» в Европе. Только Третий Завет может предотвратить эти события, пророчествует он. В его экуменических взглядах явно прослеживается влияние Вл. Соловьева, но вот только в «Трех разговорах» у Соловьева миротворцем является как раз противник Христа, создающий свою собственную религию. Фактически движение «нового религиозного сознания» постепенно исчезло после революции 1917 г., оказав заметное влияние на всю культуру Серебряного века, а также на обновленческий проект в русской церкви 1920–1930-х гг. По словам Мережковского, задача разорвать мистическую связь православия и самодержавия после революции была достигнута, самодержавие свергнуто, православие осталось... Восприятие дальнейших событий у Розанова и Мережковского сильно отличалось. Розанов трагически переживал крушение прежней России и, по ряду свидетельств, в конце жизни вернулся к православию. Мережковский же оказался в эмиграции и включился в антибольшевистскую борьбу. Его религиозные взгляды остались без серьезных изменений, в эмиграции он продолжал пророчествовать, но только с меньшим успехом, однако его политическая позиция стала гораздо консервативней.

Ключевые слова: новое религиозное сознание, политическая теология, монархия, революция, жертва, сакральное, секулярное.

Политический платонизм
священника П.А. Флоренского.
«Предполагаемое государственное устройство
в будущем»

Иван В. Флоренский
*аспирант философского факультета МГУ им. Ломоносова,
fiw93@mail.ru*

Political Platonism of father Florensky.
“The intended state structure in the future”

Ivan V. Florensky
*postgraduate student, Lomonosov Moscow State University,
fiw93@mail.ru*

Abstract. The subject of the talk is the work by Pavel Florensky “The intended state structure in the future”. Being imprisoned, the philosopher had to write the text, which was mentioned to be the argument in favor of his guilt. Nevertheless, it turned out to be an honest creative expression of thinker’s political views. Plato plays a great role in Florensky’s philosophy, and there is no surprise that one can find some similarities between Plato’s “Republic” and Florensky’s “The intended state structure in the future”. Both philosophers underline the importance of a person’s finding his or her place in society and state. But the policy is a matter of few people. So, there is no room for democracy in a good state. The upbringing of children and helping them to find the appropriate place is an important task. But there is no room for a family in Plato’s “Republic”. For Florensky healthy family is of great importance to the process of state building. Florensky writes his text in a very specific moment of history in this country. He realizes, what can possibly be good and can be a threat to a country, which is far from a sustainable development process. It is of great importance to him to save what is achieved, and to develop, what can be, in the way it should be developed.

Keywords: Platonism, State structure, conservatism, policy, Republic, Plato, historosophy, emigration, Russian philosophy, democracy

В своей автобиографии священник П.А. Флоренский говорит, что всегда сторонился политики. Действительно, политическая философия не была центром внимания его исследований. Тем интереснее обратить внимание на «Предполагаемое государственное устройство в будущем», завершённое 16 марта 1933 г. Находящийся под следствием Флоренский, написал данную работу по требованию следователей. От отца Павла требовали рукопись, которая подтвердила бы его обвинение как идеолога контрреволюционной «Партии возрождения России». Само содержание текста еще раз подтверждает иллюзорность такого рода обвинений и демонстрирует свободное творчество подсудимого.

Одним из важнейших философов для Флоренского оставался Платон. В связи с этим интересным становится сопоставление «Предполагаемого государственного устройства в будущем» и «Государства» Платона, возможно, самого известного политического трактата в истории философии. При недостижимости идеального государства оба философа предлагают наиболее совершенные формы правления. Для Флоренского крайне важно разделение политического и неполитического. Каждый должен заниматься своим делом, а политика – это специальность, недоступная массам. Подобным образом построено и «Государство» Платона, где каждое сословие (философы, воины, ремесленники) должно выполнять свои задачи. Демократия рассматривается как деградация по отношению к монархии. В концепции греческого философа власть должна принадлежать философствующему царю или группе философов. В свою очередь русский мыслитель доверяет власть только одному ответственному правителю, который сам выбирает советников.

В обоих произведениях особое внимание отводится становлению гражданина и личности. Необходимо учитывать те природные наклонности, которые есть в человеке, чтобы определить ему лучшее место в обществе, где он будет наиболее полезен государству, и, в тоже время, отмечает Флоренский, сможет наиболее раскрыть свой потенциал. Данная мысль перекликается с концепцией Платона, поскольку у греческого философа ребенка определяет в то или иное сословие философ, кто видит, какое начало в человеке ярче всего. В тоже время мы видим разное отношение к семье у Флоренского и Платона. Если древнегреческий философ предлагает разделять родителей и детей, то русский мыслитель подчеркивает, что именно семья есть важнейшая единица общества.

У Флоренского особое внимание отводится быту, полнота которого становится необходимым условием осознания личностью своего места в обществе. А становление и развитие высших слоев человеческого бытия невозможно без выстроенных низших слоев,

т. е. быта. В данной перспективе Платон выделяет «сословие кормильцев», задача которого обеспечить государство необходимым. Без него государство невозможно, и именно этот слой составляет основную часть населения.

Важно отметить, что Флоренский исходил из конкретной ситуации в стране, видел возможные предпосылки к ее дальнейшему развитию или деградации. В том числе, он отмечал вред возможного возвращения тех, кто эмигрировал. По его мнению, страна должна была стать автономной, отрезать себя от окружающего мира и гармонично и самодостаточно развиваться.

Ключевые слова: платонизм, государство, консерватизм, политика, эмиграция, историософия, демократия, политическое устройство

От «нового религиозного сознания»
к «новой духовности»:
рецепция учения Д. С. Мережковского
в поздней философии Н. А. Бердяева

Илья И. Павлов

*кандидат философских наук, преподаватель,
младший научный сотрудник, НИУ ВШЭ*

From “New Religious Consciousness” to “New Spirituality”:
The Reception of D. Merezhkovsky’s Doctrine
in Late Berdyaev’s Philosophy

Ilya I. Pavlov

*Cand. of Sci. (Philosophy), lecturer, junior research fellow,
National Research University Higher School of Economics*

Abstract. In 1904-1908 Berdyaev is in an active dialogue with the circle of Merezhkovsky, who put forward the idea of a “new religious consciousness”. After 1916, Berdyaev refuses to use the expression and does not refer to Merezhkovsky. However, in the philosopher’s later works there are many key ideas of Merezhkovsky such as “new aeon and a new revelation in it”, “the third revelation” and “the epoch of the Spirit”. Regarding the status of these passages, there is no consensus among researchers of Berdyaev’s works. For instance, Konstantin Antonov calls these expressions metaphors, while there are scholars basing their reconstruction of Berdyaev’s philosophy on these ideas. The report will present an attempt to reconstruct late Berdyaev’s project of the “new spirituality” as a continuation of intellectual strategies proposed by Merezhkovsky and picked up by early Berdyaev. To analyze the difference between Berdyaev’s position and Merezhkovsky’s one, late Berdyaev’s philosophy will be considered as a different solution of the same problems.

Keywords: Russian Philosophy, Religious Philosophy, “New Religious Consciousness”, “New Spirituality”, Berdyaev, Merezhkovsky, Metaphysics, Philosophy of History, Philosophy of Religion, Christianity

В 1904–1908 гг. Бердяев находится в активном диалоге с кругом Мережковского, выдвинувшего идею «нового религиозного сознания». Хотя после 1916 г. Бердяев не использует отсылки

к Мережковскому и термин «новое религиозное сознание», в поздних трудах философа могут быть обнаружены многие ключевые идеи Мережковского – вплоть до прямых размышлений о «новом зоне и новом откровении в нем», «третьем откровении» и «эпохе Духа». Касательно статуса данных пассажей среди исследователей творчества Бердяева нет консенсуса, и, например, если К.М. Антонов называет данные выражения метафорами¹, то другие исследователи при реконструкции философии Бердяева опираются именно на эти идеи².

В докладе будет проект «новой духовности» позднего Бердяева будет рассмотрен как продолжение ряда интеллектуальных стратегий, предложенных Мережковским и подхваченных ранним Бердяевым. Метафизика позднего Бердяева будет проанализирована как *другое* решение, но *тех же* проблем – поставленных, во-первых, Мережковским, а, во-вторых, Бердяевым в работах до 1916 года для размежевания с концепцией Мережковского и его круга.

Ключевые слова: художественная критика, герменевтика, текст, психологическая интерпретация, художественно-историческая интерпретация, визуальный образ, герменевтический опыт, герменевтическое переписывание.

¹ Антонов К.М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: В 2 ч. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. Ч. 2. С. 64.

² Мьёр К.Й. Русская религиозная философия в секулярный век // Историко-философский ежегодник. 2020. Т. 35. С. 276–277; Rarot H. Religion in Public Life according to Nikolai Berdyaev // Beyond Modernity. Russian Religious Philosophy and Post-Secularism. Eugene (Origion): Pickwick Publications, 2016. P. 197.

В.В. Розанов. «Опавшие листья»: почему так?

Лилия А. Цибизова

кандидат философских наук, доцент, ВГИК

V.V. Rozanov. "Fallen Leaves": Why is That?

Lilina A. Tsibizova

*Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor,
Gerasimov Institute of Cinematography*

Abstract. The article attempts to present the motivation and psychological foundations for the emergence of the fallen leaves genre. In addition, the links between the tragic consciousness of V.V. Rozanov and escapism in literary and philosophical creativity are analyzed.

Keywords: motivation, psychological foundations, tragic consciousness, escapism, anxiety, text, context.

Конечно, когда речь заходит о В.В. Розанове, первое, что приходит на ум, это его «Опавшие листья», начало которым было положено в «Уединенном» и «Смертном». Темы, поднятые философом и писателем, оригинальность его языка обсуждались и продолжают обсуждаться в разных контекстах. А жанр авторского письма Розанова получил уже самостоятельный статус – «опавшие листья».

Но сегодня хочется попытаться если не ответить на вопрос, но хотя бы попытаться подойти к нему – почему появляется именно такой тип одновременно философского и художественного текста? Что стало стимулом писать так, чтобы исповедальность соединилась со своей противоположностью, публичностью? Что должно предшествовать такому способу выражения не только своих мыслей, но различных эмоциональных состояний, страхов, трагизма переживания исторических катаклизмов?

Теории, как философские, так и психологические, описывающие подобные состояния появляются гораздо позже. Но ничто не мешает привлечь эти знания о человеке к тому, что мы находим в житнетворчестве Розанова. Социальная и психическая реальность, окрашенная трагическими красками – это детство и отрочество. Да, и позже жизнь не часто предоставляла ему поводы для радостей. Отсюда – болезненная реакция не негативные стороны жизни,

поиски, разочарования. И, наконец, попытки создать тот мир, которым было бы тепло и тебя принимали таковым, какой ты есть, без прикрас. Этим «малым миром» для Розанова становится семья, где есть молитва и любовь, а также посредник с внешним, «большим миром», писательство.

Таким образом, он выступает создателем другой реальности. А что же с самой действительностью, наполненной враждой, агрессией, непониманием? Розанов уходит из нее. И даже, когда мы читаем описания домов на улице, встреченных людей, коротенькие мысли на бегу. Все это – мир, куда нас пустил Василий Васильевич.

В 30–40-е гг. XX в. мир узнает, что такое эскапизм. Кто-то будет с усмешкой говорить о «бегстве» от негативной переживаний и тревожности, другие будут определять эскапизм, как явление, сопутствующее депрессии. Но после ужасов мировых войн, эскапизм уже перестал восприниматься как девиация, которую нужно лечить. Появляется целый пласт художественной культуры эскапистского толка.

Но вернемся к Розанову. Его эскапизм – это семья, как «самая аристократическая форма жизни», «вечная и невольная музыка в душе». И мир этот держится на молитве: «Выньте... *из самого существа* мира молитву – сделайте, чтобы язык мой, ум мой разучился словам её, самому делу её, существу её; чтобы я этого *не мог*, люди этого *не могли*: и я с выпученными глазами и ужасным воем выбежал бы из дому, и бежал, бежал, пока не упал. Без молитвы совершенно нельзя жить... без молитвы – безумие и ужас»¹. Эскапизм Розанова не уводит нас ни в другое географическое пространство, ни в другую историческую эпоху. Этот мир здесь и сейчас, но это словно другое измерение, где каждая вещь такова, какая она есть. Добро есть добро, а истина есть истина, где найдется место каждой страдающей душе. Именно это качество писательства В.В. Розанова делает его тексты всегда актуальными – и в случае простого любопытства, и в поиске спасения от переживания трагизма бытия.

¹ Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. С. 72.

Журнал «СЛОН» и газета «Новые Соловки»
как единый текст и диалог с большой литературой

Алина А. Соломонова

Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского,

кафедра русского языка

+7(911)9185199; *filol1992@gmail.com*

Доклад посвящен журналу «СЛОН» (переименованному в 1925 г. в «Соловецкие острова») и газете «Новые Соловки», которые рассматриваются как организованная структура и единый текст (из-за того, что у обоих изданий были общие тематическая и издательская политика, а также в них работали одни и те же авторы). Особое внимание будет уделено публицистике, посвященной культурной жизни Соловков, а также тематике литературных публикаций, в частности, пародийных текстов (анонимные «Кто что из поэтов написал, приехав на Соловки?», «По вечерам над соловчанам») и текстов, продолжающих традиции Серебряного века (Кемецкий В. «Над снегом воздух тих и мглист»; Лейтин Б. «Торфушка», «Пасхальный вечер»; Ярославский А. «Случайной женщине»; А. Панкратов «Простая песенка» и др.). Многие из прозаических и поэтических текстов будут впервые введены в научное рассмотрение.

Проблема единого:
отечественный и европейский опыт осмысления

Ирина В. Гравина

*кандидат философских наук, научный сотрудник Международной
лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального
диалога НИУ ВШЭ*

The problem of the One: Russian
and European experience of understanding

Irina V. Gravina

*Cand. of Sci. (Philosophy), research fellow at the International Laboratory
for the Study of Russian-European Intellectual Dialogue,
National Research University Higher School of Economics*

Abstract. The paper will deal with two philosophical concepts of the twentieth century, which represent an attempt of interpretation and methodological reconstruction of the One, and raise the question of the possibility of dialogue between Russian and European philosophy. It will also be shown that the theme is conditioned by the crisis of classical philosophical thought, consisting both in the rejection of metaphysical concepts to explain reality, and in the global crisis of the verifiability of truth. In this connection, the fundamental in its scope problem of the One, with which ancient philosophy began, has attracted more than ever the attention of philosophers of the twentieth century in an attempt to rethink the foundations of being and thinking. Among the Russian thinkers it is worth mentioning A. Losev who developed this problematic in the most consistent form throughout his creative work, and in the West – R. Schürmann who, inheriting both Heidegger's ontology and the French tradition of postmodernism, also tries to answer the question of what the One is. The choice of these personalities is conditioned by the discovery of the maximum similarity, in comparison with other twentieth-century conceptions of the One, in the intensions that underline the basic character of the concept of the primordial in the history of philosophy and both understand its changeable, relative character. Losev referred to the latter phenomenon as relative myth, Schürmann to hegemonic phantasm. In other words, any epoch, according to these authors, can be characterised by its Unities, which are raised to absolutes largely within the framework

of linguistic and normative practices. The difference between them is also noted – according to the Losev as hegelian, the One, although apophatic, has an authoritarian character; while Schürmann believes that the One is important to read not as any narrative principle, but as a radically transcendent beginning. The conclusion is that according to Schürmann, henology is a negation of old metaphysics, a transition to post-metaphysical thinking; according to Losev it is rather a return to classical metaphysics. It will be noted that this concept highlights the basic difference between not only metaphysical and postmetaphysical thinking, but also between native and European thought.

Keywords: henology, A. F. Losev's philosophy, R. Schürmann, postmetaphysical thinking, Russian philosophy, European philosophy, metaphysics

В докладе речь пойдет о двух философских концепциях XX в., представляющих собой попытку интерпретации и методологической реконструкции Единого и поставлен вопрос о возможности диалога между русской и европейской философией. Будет показано также, что тема обусловлена кризисом классического философствования, заключающегося как в отказе от метафизических концептов объяснения реальности, так и в глобальном кризисе верифицируемости истины. В это связи фундаментальная по своим масштабам проблема Единого, с которой начиналась античная философия, как никогда привлекает внимание философов XX в. в попытке переосмыслить основания бытия и мышления. Среди отечественных мыслителей стоит назвать А. Лосева, который в наиболее последовательном виде разрабатывал данную проблематику на протяжении всего своего творчества, а на Западе – Р. Шюрманна, который наследуя как хайдеггеровой онтологии, так и французской традиции постмодернизма, тоже пытается ответить на вопрос о том, что такое Единое. Выбор данных персоналий обусловлен обнаружением максимального по сравнению с иными концепциями XX в. о Едином, сходства в интенциях, подчеркивающих базовый характер понятия первоначала в истории философии и оба понимающих его изменчивый, относительный характер. Лосев называл последнее явление – относительным мифом, Шюрманн – гегемоническим фантазмом. Иными словами, любая эпоха, согласно данным авторам, может характеризоваться своими Едиными, которые возводятся в абсолюте во многом в рамках языковых и нормативных практик. Отмечается также и их различие – согласно гегельянцу Лосеву Единое имеет хоть и апофатический, но авторитарный характер; Шюрманн же полагает, что Единое важно прочитывать не как любой нарративный принцип, но как

радикально трансцендентное начало. Делается вывод, что генология согласно Шюрманну есть отрицание старой метафизики, переход к пост-метафизическому мышлению; согласно Лосеву – скорее возврат к классической метафизике. Будет подчеркнута, что в рамках данной концепции высвечивается базовая разность парадигм не просто метафизического и пост-метафизического мышления, но отечественной и европейской мысли.

Ключевые слова: генология, философия А.Ф. Лосева, Р. Шюрманн, постметафизическое мышление, русская философия, европейская философия, метафизика.

Символы соборности
(на материалах философии П. Флоренского,
С. Булгакова, С. Франка, Н. Бердяева)

Анна В. Тонковидова

*Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма,
+7(961)5187919, tonkovidova@mail.ru*

Symbols of sobornost
(on the materials of the philosophy of P. Florensky,
S. Bulgakov, S. Frank, N. Berdyaev)

Anna V. Tonkovidova

*Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism,
tonkovidova@mail.ru*

Abstract. In the works of Russian religious philosophers of the first half of the 20th century, we can identify such a feature as the expression of the idea of sobornost in symbols. Wandering is a symbol of the sobornost of religious sociality. The symbol of wandering suggests eschatologism, a transcendent understanding of the possibility of achieving sobornost in unity with God. The way to achieve catholicity in this case is individual. The symbol of the sobornost of secular sociality is such a symbol as heroism, defined in the texts of philosophers. In secular sociality, catholicity carries immanent meanings. It is revealed as a human-deity with religions of a secular type, while the transcendent is denied. There is an individual criterion of truth. The religious-secular community can be a synthesis. Church-secular sociality is described in the symbol of asceticism. In this symbol, the separateness of the immanent world and the transcendent world is overcome in a single Divine-human process. A conciliar criterion for the realization of truth becomes possible. Symbols express higher being, higher meanings, act as an intermediary between the earthly and heavenly worlds. Symbols express the transcendental essence in its concrete-sensual sounding, and the personality is revealed.

Keywords: sobornost, sociality, symbols, wandering, heroism, asceticism

Соборность является основополагающей ценностью и принципом понимания как общества, так и культуры православия, «душа православия есть соборность»¹. В общественности и в жизни и деятельности личности присутствует как религиозность, так и светскость, что обуславливает противоречивость социальной реальности. Соборность, находясь в диалектическом становлении, возможна к реализации, как в светскости, так и в религиозности. Соборность может быть прослежена в деятельности личности. В работах русских религиозных философов первой половины XX в. мы можем определить такую особенность, как выражение идеи соборности в символах, что обусловлено тем, что, по мысли Флоренского, личность, ее значение возможно раскрыть не посредством определений, а лишь в символах². Исследователь русской философии Фриауф пишет, что именно язык-символ выступает отличительной особенностью русской философской мысли, обозначенной в работах П. Флоренского, С.Н. Булгакова и других авторов³. Символом соборности религиозной социальности выступает странствование, которое описано в работах С.Н. Булгакова. К данному символу обращается Бердяев, говоря о том, что эпоха Нового средневековья может быть нами рассмотрена как эпоха «исторического странствования». Франк обозначает символ странствие в непосредственном прожитии соборности⁴.

Символы странствование, странствие предполагают эсхатологизм, трансцендентное понимание возможности достижения соборности в единстве с Богом. Путь достижения соборности в данном случае индивидуальный. У П. Флоренского те же смыслы несет в себе символ подвижничества в религиозной социальности.

В текстах П. Флоренского мы находим отражение в искусстве перехода от религиозной социальности к светской социальности, как переход от обратной перспективы, которая отгораживает мир трансцендентный от мира имманентного, к линейной перспективе, в которой утрачивается особое восприятие священного⁵. В обла-

¹ *Булгаков С.Н.* Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. С. 85.

² *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. С. 83.

³ *Фриауф В.А.* Язык, метафизика и русская идея // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11. № 3. С. 62–66.

⁴ *Франк С.Л.* Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 138.

⁵ *Флоренский П.А.* Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил. Русская книга, 1993. С. 208.

ти музыки П. Флоренский также усматривает разграниченность религиозности и светскости в появлении органной музыки, которая сравнивается философом с масляной живописью⁶.

Символами соборности светской социальности выступает, на наш взгляд, определяемый в текстах философов такой символ, как героизм. Он описан в трудах С.Н. Булгакова, С. Франка. У П. Флоренского употребляется символ подвижничество в значении «фари-сейского подвижничества». В светской социальности соборность несет в себе имманентные смыслы. Раскрывается как человеко-божество с религиями светского типа, трансцендентное при этом отрицается. Действует индивидуальный критерий истины.

Синтезом может быть религиозно-светская общественность, возникновение которой будет возможно благодаря эсхатологической мечте о мистериальном действе, которая определяется в творчестве Скрябина⁷. В искусстве стирается грань светскости и религиозности⁸. Как отмечал Вл. Соловьев, этический, социальный идеал соборности сложен к реализации в общественности, но возможно его проследить в символах, берущих свое начало в эстетическом. Церковно-светская социальность описывается С.Н. Булгаковым, П. Флоренским, С. Франком в символе «подвижничество». В данном символе преодолевается отдельность мира имманентного и мира трансцендентного в едином Богочеловеческом процессе. Становится возможным соборный критерий реализации истины. Символы выражают высшее бытие, высшие смыслы, выступают посредником между миром земным и небесным. В символах выражается трансцендентная сущность в своем конкретно-чувственном звучании, происходит раскрытие личности.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ *Булгаков С.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 586.

⁸ Там же. С. 589.

«Я» говорящего в коммуникативной концепции
символа Людмилы Гоготишвили

Артём А. Гравин

*кандидат технических наук, с.н.с, ИМЛИ РАН,
Москва / науч. сотр. СИ РАН, Санкт-Петербург,
nagval_89@mail.ru, 8(953)122 47 39*

Speaker's «Ego» in Lyudmila Gogotishvili's
Communicative Conception

Artem A. Gravin

*PhD in technical sciences, senior researcher, A.M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
researcher at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences –
a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences, nagval_89@mail.com*

Abstract. This report will consider the problem of the speaker's "Ego" (as well as related linguistic concepts of the author's position and the speech subject) in the communicative concept of Lyudmila Gogotishvili's symbol. The status of the speaker's "Ego" can be considered in immanent (natural speech) and transcendent or transcendent-immanent (anagogic speech) perspectives.

These perspectives in the process of forming communicative Gogotishvili's concept were repelled from the polyphonic concept of dialogism by Mikhail Bakhtin (immanent perspective) and the name philosophy of onomatodoxy thinkers Father Pavel Florensky, Father Sergius Bulgakov and Alexei Losev (transcendent / transcendent-immanent perspectives). This manifested itself original linguo-philosophical synthesis in Gogotishvili's work.

The report will show that the ontological status of the speaker's "Ego" is determined by the degree of his direct presence in natural speech (Bakhtin) and possibility of adequate expressing the meaning of his statement in a symbol (Florensky, Bulgakov, Losev).

In terms of assessing the presence of the speaker's "Ego" in natural speech, its correlation with the unfixed position of the other during their communication (mutual transition between the I and the other; predominance/subordination to the other's position) and the dynamism of the pragmatic factors of this communication (the change of speech

centers, points of view and attention focuses of the speaker's "Ego") play an important role.

From the point of view of assessing the possibility of adequate expressing the meaning of the statement of the speaker's "Ego", an important role is played by the correlation of its implicit (apophatic) and manifest (cataphatic) dimensions in speech and nature of the communicative intention of the statement (phenomenal / noumenal), as well as the nature of the subject-predicative scheme of the statement.

The report will show various options for being of the "speaker's" I in speech, determined by the nature of the discursive practice used.

Keywords: communicativeness, author's position, onomatodoxy, symbolism, dialogism, polyphony, linguistic philosophy, Bakhtin, Florensky, Bulgakov, Losev, Gogotishvili

В докладе будет рассмотрена проблема «я» говорящего (а также смежных лингвистических понятий авторской позиции и субъекта речи) в коммуникативной концепции символа Людмилы Гоготишвили.

Статус «я» говорящего может быть рассмотрен в имманентной (естественная речь) и трансцендентной/трансцендентно-имманентной (анагогическая речь) перспективах.

Данные перспективы в процессе формирования коммуникативной концепции Гоготишвили отталкивались от полифонической концепции диалогизма Михаила Бахтина (имманентная перспектива) и философии имени мыслителей-имяславцев отца Павла Флоренского, отца Сергия Булгакова и Алексея Лосева (трансцендентная и трансцендентно-имманентная перспективы), что явило собой в творчестве Гоготишвили самобытный лингвофилософский синтез.

В докладе будет показано, что онтологический статус «я» говорящего определяется степенью его непосредственного присутствия в естественной речи (Бахтин) и возможностью адекватного выражения смысла его высказывания в символе (Флоренский, Булгаков, Лосев).

Важную роль с точки зрения оценки присутствия «я» говорящего в естественной речи играют соотношение его с незафиксированной позицией другого при их коммуникации (взаимный переход между я и другим; превалирование/подчинение позиции другого) и динамичность прагматических факторов этой коммуникации (смена речевых центров, точек зрения, фокусов внимания «я» говорящего).

С точки зрения оценки возможности адекватного выражения смысла высказывания «я» говорящего важную роль играет соотно-

шение его неявленного (апофатического) и явленного (катафатического) измерений в речи, характер коммуникативной интенции этого высказывания (феноменальный/ноуменальный), а также характер субъект-предикативной схемы этого высказывания.

В докладе будут показаны различные варианты бытия я «говорящего» в речи, определяемые характером используемой дискурсивной практики.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01832, <https://rscf.ru/project/22-28-01832/>.

The research was carried out in A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-28-01832 <https://rscf.ru/project/22-28-01832/>.

Л.П. Карсавин:
научное и художественное прочтение истории¹

Елена Е. Михайлова
*доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии
и философии, Тверской государственной технической университет,
mihaylova_helen@mail.ru*

L.P. Karsavin:
Scientific and Artistic Reading of History

Elena E. Mikhailova
*Dr. of Sci. (Philosophy), professor,
Department of Psychology and Philosophy
Tver State Technical University, mihaylova_helen@mail.ru*

Abstract. On the example of L.P. Karsavin raises the question of the usefulness of the synthesis of scientific and artistic views on history. Karsavin's texts are rightly characterized by researchers as interpretive comprehension of the past, as value-personal experiences of the subject of knowledge. Taking as a basis the key, in his opinion, forms of culture, Karsavin carries out their cross-reference in time and space. Such a discursive technique allows constructing the semantic structures of a bygone culture in such a way that for the reader they become their own value-aesthetic attitude to the historical past. In Karsavin's intention, working with facts is a scientific reading of history (the field of source studies), and when a historian actualizes the era in himself through personal, emotionally experienced impressions, it is an artistic reading of history (the field of myths, poetry, art, psychology). The artistic and creative concretization of historical reality is understood as the application of the symbolic method. Three types of historical works, according to Karsavin, are able to explore the spiritual life of the era – autobiography, biography and fiction. Their arsenal gives historical narration versatility, special expressiveness of linguistic means and a sense of the atmosphere of the era.

Keywords: L.P. Karsavin, culture, philosophy, history, science, subject of knowledge, historical and artistic method

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования» № 20-011-00071.

Наследие петербургского философа, историка-медиевиста Льва Платоновича Карсавина интересует многих исследователей. Грани изучения его творчества постоянно расширяются. Тематика публикаций говорит сама за себя: методология Карсавина и его видение истории как личного бытия и самосознания субъекта (Ю.Б. Мелих), историко-философская панорама Карсавина (С.С. Хоружий); философия истории Карсавина как оригинальное развитие идеи всеединства В.С. Соловьева (А.В. Малинов) и другие сюжеты. Цель данного печатного высказывания – рассмотреть взгляды Карсавина на соотношение научного и художественного прочтения исторического прошлого.

Тексты Карсавина имеют своеобразный дискурсивный характер. Действующим лицом выступает историк, обращающийся к прошлому не только в качестве субъекта познания, но и как субъекта жизни. Благодаря разнообразным научным и выразительным средствам, исследователь прошлого оказывается способным идентифицировать себя как индивидуализируемую личность, как особую форму «качествования». Таким специфическим термином в своей религиозной философии всеединства Карсавин обозначает момент самосознания, главенствующую способность личности познавать, действовать, творить.

В интенции Карсавина, историк должен актуализировать в себе изучаемую эпоху. Для этого в равной мере ему нужно воспользоваться двумя обстоятельствами: использовать инструментарий научности (область источниковедения) и передавать личные, эмоционально переживаемые впечатления (область мифов, поэзии, искусства, психологии). Историк должен и способен «привести нас в непосредственное соприкосновение с душевностью прошлого» [Философия истории. М., 1993. С. 102]. Для максимально достоверного постижения прошлого ему важно проделать две задачи: сначала осуществить так называемую, «черную работу» по поиску и классификации фактов, и только потом, в обнаруженных терминах, начать говорить о социально-психической атмосфере прошлого. Историк должен «в себе актуализировать, т.е. понять изучаемую им эпоху, как момент общечеловеческого развития, и в ней понять само это развитие» [Там же. С. 219-220].

Предметом истории Карсавин прямо называет «социально-психическое развитие всеединого человечества» [Там же. С. 98]. В его концепции философии истории «всеединое человечество» – это одно из «качествований». Поэтому само понятие «социально-психическое» трактуется Карсавиным широко. В его замыслах, историк не занимается изучением материальной стороны человеческой жизни, хотя и использует предметные факты как

инструмент познания. Историк рассматривает прошлое человечества в его «духовно-душевной деятельности». История – это поток человеческих переживаний, в котором «душевность» является основной стихией [Там же. С. 97]. Исходя из этого, художественное прочтение истории, опосредованно или непосредственно, всегда связаны со всеединым человечеством. К способам художественного прочтения, в отличие от научного, Карсавин причисляет свидетельства очевидцев, биографии, легенды, слухи, обычаи, традиции, энергию рода, талант индивидуальности и др. Все эти символические следы прошлого важны для историка как дополнительные средства понимания эпохи, как возможность художественного выражения памяти о прошлом.

В рассуждениях Карсавина, историк говорит о настроениях, надеждах, воле, разуме, инстинкте масс, о системе права, о государственном, социальном и экономическом строе, о войнах, революциях и т. п. Историк должен собирать факты не ради самих фактов; не должен их делить на важные и неважные. Факты нужны как инструмент, позволяющий субъекту познания «проживать» прошлое, уяснить «размер» психического напряжения и силу активности субъектов. Актуализировать прошлое и, тем самым, понять то или иное историческое событие, ту или иную историческую личность – так мыслится Карсавину процедура художественного прочтения.

Место культуры
в концепции всеединства Л.П. Карсавина

Михалина М. Шibaева
*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры культурологии
Московский государственный институт культуры,
skyday.vrn@yandex.ru*

The Place of culture
in the concept of unity by L.P. Karsavin

Mikhalina M. Shibaeva
*Dr. of Sci.(Philosophy), Professor,
Professor of the Department of Cultural Studies,
Moscow State Institute of Culture, skyday.vrn@yandex.ru*

Abstract. The culturosophical component of the Karsavin experience of reflection on the value-semantic foundations of the historical movement of mankind towards “ideal unity” and “completeness of perfection” is interfaced with a number of aspects of modern humanitarian knowledge. The context of the philosophical and creative heritage of a religious thinker reveals the heuristic potential of the interrelation of axiological, epistemological, historiosophical and ethical approaches to the essence and dynamics of culture. The definition of culture developed by Karsavin is consistent with the doctrine of the metaphysics of unity as a “philosophy of perfection” in relation to the problem of the collective and individual subject of history. The idea of the equivalence of all the moments of the centuries-old experience of mankind is not so much postulated by the thinker as used in the process of analyzing theoretical and empirical problems of progress, culture and subjectivity of historical development. In the main works of L.P. Karsavin the purpose of all subsystems of culture – religion and art, philosophy and science, as well as education – is considered through the prism of “symphonic personalism” (Y.B. Melikh). At the same time, special attention is paid to the task of overcoming oblivion by means of culture. The modality of preserving cultural and historical memory in terms of values and functionality is inseparable, according to the thinker, from personal orientation to “ethically given and due” (L.P. Karsavin)

Keywords: L.P. Karsavin, metaphysics of unity, Absolute, historiosophy, progress/regression idea of culture, “completeness of perfection”, “subjective inclination”, “symphonic personality”, ethics

В контексте метафизики всеединства Л.П. Красавина культура предстает не только в кумулятивно-функциональном богатстве своих обретений, но и как один из критериев качественного состояния «эмпирии» и субъекта истории. Такие концепты мыслителя, как «метафизика всеединства», «идеальное задание», «идея культуры», «симфоническая личность», «полнота совершенства», «качествование» отражают своеобразие воззрений русского религиозного мыслителя на культуру. Именно поэтому в его фундаментальных трудах («Культура Средних веков», «Философия истории» и «Восток, Запад и русская идея») многоаспектная тема культуры занимает видное место.

Подобно ряду «знаковых» пассажиров философского корабля, Л. П. Карсавин придавал важное значение вопросу о различии между культурой и цивилизацией. Свое «пренебрежительное» отношение к современной цивилизации он обосновывал тем, что «в ней нет художественного стиля, бескорыстной научной мысли, философских систем, религиозного пафоса и т. д. [Философия истории. М., 1993. С. 253], По сути, речь идет не столько о романтическом отрицании цивилизационной стадии исторического развития человечества, сколько о фактах «вымывания» тех культурных форм бытия, без которых невозможно индивидуальному и коллективному субъекту «осуществить в себе всю высшую личность» [Там же. С. 93],

Отсюда и направленность «взыскующего сознания» Л.П. Карсавина на дихотомию прогресс/регресс. Драматизм движения человечества к «идеальному всеединству» – одна из тем рефлексии Л.П. Карсавина над ценностным аспектом проблематики прогресса. Дихотомия прогресс-регресс трактуется в соотнесении с вопросом о качественных параметрах реализации такой ценности-цели, как «усовершенность всеединства» [Там же. С. 193]. Аксиологический ракурс осмысления данной дихотомии обусловлен глубокой убежденностью мыслителя в том, что «отношение к Абсолютному, более того – само Абсолютное имманентно идее исторической индивидуальности, в частности – идее культуры» [Там же. С. 168]. Исходя из этой идеи, систематическую смену типов культуры правомерно рассматривать и как закономерность мировой истории, и как предмет осмысления под углом зрения «диалектики приобретений и утрат» (Гегель). Вот почему важно иметь в виду следующую мысль Л.П. Карсавина: «Традиционная схема прогресса-регресса удовлетворительного выхода не давала. Зато оказалось возможным оправдать аксиологический момент в историографии, устранив из него всякий субъективизм и релятивизм» [Там же. С. 334].

«Переплетение» онтологического, аксиологического и этического аспектов динамики и исторической миссии культуры связано в метафизике всеединства Карсавина с темой водораздела между идеальным («усовершенным») и эмпирическим («умаленным»). По его мнению, позитивное решение проблемы водораздела между должным и сущим в бытии человечества предполагает перспективу включения всех культурных форм в процессы «усовершенния несовершенного». Отсюда и сквозная мысль Л.П. Карсавина: «идея культуры должна определяться чрез отношение к абсолютной истине, к абсолютному благу, бытию, красе...» [Там же. С. 167]. Не менее значим и его тезис о том, что «субъективная склонность, как некоторый момент всеединства, нужна и обладает абсолютной ценностью» [Там же. С. 236].

Евразийство: сущность и явления

Рустем Р. Вахитов

*кандидат философских наук, доцент, БашГУ, Уфа,
Rust_R_Vahitov@mail.ru*

Eurasianism: Essence and Phenomena

Rustem R. Vakhitov

*Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor,
Bashkir State University, Rust_R_Vahitov@mail.ru*

Abstract. The report is devoted to the Eurasianism of the 1920s. (primarily in the version of P.N. Savitsky and N.S. Trubetskoy). The author defends the point of view, according to which Eurasianism is a holistic worldview, the concept of the philosophy of culture and history. But as such it is inaccessible to the positivist methods of the history of philosophy, because positivism does not go beyond the layer of phenomena, it does not “see” the essence of things. The report raises the question of the essence of Eurasianism – its logos, eidos, describes the dialectical study of this essence, also raises the question of the symbolic layer of Eurasianism and the myth of Eurasianism.

Keywords: Eurasianism, Eurasian studies, history of philosophy, positivist methods, dialectics, philosophy of A.F. Losev, logos, eidos, symbol, myth

В последние годы исследования русского евразийства 1920-х годов сместились в сторону изучения наследия отдельных его представителей. Рассмотрение евразийства в целом, как мировоззрения и идеологии отошло в прошлое. Более того, многие исследователи заявляют, что «евразийства как такового нет», «есть лишь разные евразийства», так как между позициями «вождей евразийства» (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского) было множество различий и свести их к «общему знаменателю» трудно. Налицо исчезновение объекта евразийствоведения, «парадокс исчезновения евразийства».

Мы считаем, что одна из главных причин этого – методологическая. До сих пор при исследовании евразийства применялись преимущественно позитивистские, аналитические методы истории философии. Но анализ расщепляет предмет на составляющие

и не позволяет «схватить» целостность. Теоретическое лицемерие целостности – удел диалектики.

В нашем докладе мы расскажем о результатах, которые мы получили в ходе применения к евразийству диалектического метода в версии А.Ф. Лосева.

Мы исходили из того, что всякая вещь имеет не только явление, то есть непосредственно, чувственно данные феномены, но и умопостигаемую сущность, включающую в себя уровень логоса и эйдоса (а в их глубине – символа и мифа). Как раз сущность делает вещь познаваемой для нас и целостной. Ущербность позитивистских, рассудочных методов в том, что они «видят» только слой явлений и поэтому предмет для них предстает как совокупность не связанных между собой фрагментов-осколков.

Все эти рассуждения применимы и к евразийству 1920-х годов. Безусловно, оно представляет собой цельное мировоззрение, концепцию культуры и истории, отличную от других концепций, вроде западничества, славянофильства и т. д. Но предстает перед нами евразийство как совокупность текстов (книг, манифестов, статей, писем) разных авторов и это – уровень явлений, дальше которого исследователям, ограничившимся позитивистским инструментарием, пойти не дано. Чтоб прикоснуться к сущности евразийства, понять, что это такое, нужен диалектический метод. Он позволит пойти от явлений к сущности (логосу и эйдосу) и далее – к символическому основанию и к мифологическому ядру евразийства.

Мы покажем, что в логосе и эйдосе евразийства присутствуют идеи единства и множественности, богоугодного и небогугодного, личного и безличного, а на мифологическом уровне – наличествуют три главных мифа: о потере и обретении истинного имени, об Исходе, и о Вавилонской башне.

Теоретический и практический вклад
Василия Никитина в евразийское движение

Максим В. Медоваров

*кандидат исторических наук, доцент,
НИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
mmedovarov@yandex.ru, тел. +7(910) 123 96 27*

Theoretical and practical contribution
of Vasily Nikitin to the Eurasian movement

Maksim V. Medovarov

*Cand. of Sci. (History), associate professor, Informatic Technologies
in Humanitarian Studies Department, Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod (UNN), mmedovarov@yandex.ru*

Abstract. The report is devoted to the role of the orientalist Vasily Petrovich Nikitin (1885–1960) in the Eurasian movement in the Russian emigration. For the first time in historiography, all ten articles by Nikitin in the Eurasian editions of 1925–1929 are analyzed in their totality. Attention is paid to the specific biography and life experience of Nikitin, to almost ten years of his life in Iranian Kurdistan and especially his close integration into French society during the period of emigration. The position of Nikitin among Russian and European orientalists is characterized. On the basis of published archival materials, the circumstances of the scientist's acquaintance with Georgy Vernadsky, Pyotr Savitsky, Pyotr Suvchinsky, Lev Karsavin are clarified. An attempt is made to analyze the division of Nikitin's political activity in the Eurasian movement and the controversy surrounding him and his research interests in Eurasianism as a heuristically valuable theory of Oriental studies.

A description is given of Nikitin's personal relations with other Eurasians, their assessment in his notebooks and letters. The question, confusing in historiography, about the role of Nikitin in the Clamart schism, about his position between right and left Eurasianism, is clarified. The reasons for maintaining the loyalty of the researcher to the Eurasian theory until his life's end and of his constant contacts with Vernadsky and Savitsky are substantiated.

Nikitin's articles in the "Evraziyskiy Vremennik", "Evraziyskaya Khronika", and the "Eurasia" newspaper are viewed as a unified system

of his opinions on Russian-Iranian relations. It is proved that the Eurasianists before their acquaintance with Nikitin could not determine the place of Iran in their concept of Eurasia. Nikitin, as the only Iranian scientist in the Eurasian movement, turned out to be an indispensable specialist who raised sharp questions about the similarities and differences in the fates of Russia and Iran, about the combination of Iranian and Turanian elements in the Russian folk psyche and character, about the policy of Reza Shah Pahlavi. The political program of Nikitin, formulated in his dispute with the "Asianist" Vsevolod Ivanov and in his criticism of the Soviet policy in Asia, is analyzed. Attention is paid to the attitude of Savitsky and Vernadsky to Nikitin's thoughts and the seminar of Eurasians held in Paris in 1927 on the problem of the relationship between Iran and Russia-Eurasia as two "locations of development". The conclusion is made about the relevance of Nikitin's investigations in the context of the contemporary politics of Iran, as well as the Kurdish and Assyrian issues nowadays.

Keywords: Vasily Nikitin, Eurasianism, Eurasian movement, Russian-Iranian relations, Iran and Turan, Clamart Schism, Pyotr Savitsky, George Vernadsky

Доклад посвящен роли востоковеда Василия Петровича Никитина (1885–1960) в евразийском движении в русской эмиграции. Впервые в историографии анализируются все десять статей Никитина в евразийских изданиях 1925–1929 гг. в их совокупности. Уделено внимание специфической биографии и жизненному опыту Никитина, почти десяти годам его жизни в Иранском Курдистане и особенно тесной интеграции во французское общество в период эмиграции. Дана характеристика положению Никитина в среде русских и европейских востоковедов. На основе опубликованных архивных материалов уточняются обстоятельства знакомства ученого с Георгием Вернадским, Петром Савицким, Петром Сувчинским, Львом Карсавиным. Предпринимается попытка анализа разделения политической активности Никитина в евразийском движении и полемике вокруг него и его научных интересов к евразийству как к эвристически ценной теории востоковедения.

Дается характеристика личным отношениям Никитина с другими евразийцами, их оценке в его записных книжках и письмах. Прояснен запутанный в историографии вопрос о роли Никитина в кламарском расколе, о его положении между правым и левым евразийством. Обосновываются причины сохранения верности ученого евразийской теории до конца жизни, его постоянных контактов с Вернадским и Савицким.

Статьи Никитина в «Евразийском временнике», «Евразийской хронике» и газете «Евразия» рассматриваются как единая система взглядов на тему русско-иранских отношений. Доказывается, что евразийцы до их знакомства с Никитиным не могли определить место Ирана в их концепции Евразии. Никитин как единственный ученый-иранист в евразийском движении оказался незаменимым специалистом, поставившим острые вопросы о сходстве и различии судеб России и Ирана, о сочетании иранских и туранских элементов в русской народной психике и характере, о политике Реза-шаха Пехлеви. Анализируется политическая программа Никитина, сформулированная им в споре с «азиатцем» Всеволодом Ивановым и в его критике советской политики в Азии. Уделено внимание отношению Савицкого и Вернадского к мыслям Никитина и проведенному в 1927 г. в Париже семинару евразийцев по проблеме соотношения Ирана и России-Евразии как двух месторазвитий. Делается вывод об актуальности исследований ученого в контексте современной политики Ирана, а также курдского и ассирийского вопросов в наши дни.

Ключевые слова: В.П. Никитин, евразийство, евразийское движение, русско-иранские отношения, Иран и Туран, кламарский раскол, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский

Гносеология В. Э. Сеземана:
преемственность и новаторство

Анна А. Шиян

*кандидат философских наук, доцент, РГГУ,
annasamoikina@yandex.ru*

V.E. Sezeman's Gnoseology: Continuity and Innovation

Anna A. Shiyan

*Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, RSUH,
annasamoikina@yandex.ru*

Abstract. The work of the Russian and Soviet philosopher Vasily Emilievich Seseman (1984–1963) was unfamiliar to the general reader until recently, and only lately it has attracted the close attention of researchers in Russian philosophy. The legacy of the Season includes texts on ontology, epistemology, logic, aesthetics, etc. In the presented text we are talking about the specifics of Seseman's cognitive approach. In dealing with epistemological questions, Sezeman offers his own solution using the methodology of phenomenology and neo-Kantianism. As a phenomenologist, he pays much attention to the role of perception in cognition, emphasizing, however, that cognition begins with a reflexive fixation of the object of cognition and is carried out in judgment. As a neo-Kantian, Seseman develops a categorical apparatus of thinking that makes it possible to know the processes of becoming in being, while addressing the problems of movement. Sesemann considers intuition to be the main method of cognition, thanks to which it is possible to know not only spatial-material things (as in Husserl's philosophy), but also processes and relationships. At the same time, Seseman turns to the correlation of rational and irrational attitudes of cognition and comes to the need to introduce mystical intuition.

Keywords. Theory of knowledge, intuition, perception, judgment, becoming, phenomenology, neo-Kantianism, possibility, movement, Seseman

В данном тексте мы остановимся на особенностях теории познания В. Э. Сеземана, которая представлена в его работах первой трети XX в.

Как сторонник феноменологии Гуссерля Сеземан в познавательном процессе особое внимание отводит восприятию, рассматривая его как интенциональный акт. Однако, в отличие от Гуссерля, он не относит восприятие к познанию, прежде всего, потому, что познание для него – это осознанный процесс, который начинается с фиксации предмета познания. В восприятии мы усматриваем то,

что потом выражаем в суждении. Восприятие вещей для Сеземана является одним из видов интуиции. Гносеологию Сеземана можно отнести к одному из вариантов интуитивизма, который был весьма популярен в русской и немецкой философии начала XX в. Сеземан считал, что с помощью интуиции мы адекватно схватываем не только вещи и сущности, но также отношения и процессы. Сеземан выделяет специальный вид интуиции, в котором даются отношения между предметами, и называет его конспективной интуицией.

Кантовский вопрос о возможности знания для Сеземана является, прежде всего, вопросом о сложностях, которые возникают в процессе познания. К первому виду сложностей относятся проблемы, связанные с адекватностью данности предмета познания в восприятии. Следуя неокантианскому принципу «заданность определяет данность», Сеземан подчеркивает, что в нем речь идет не только об общих установках познающего субъекта, но и об его физиологических особенностях, угле зрения, окружающей среде и т. д. Как последователь гуссерлеанской феноменологии Сеземан признает также и обратный принцип: «данность определяет заданность». Для него это означает, что не только сам предмет задает метод его познания, но также и определяет неустранимые сложности этого процесса. Речь идет о том, что некоторые предметности нам даются в восприятии смутно и неясно (например, туман, расплывчатые тени и т. п.) и, соответственно, мы не можем точно зафиксировать наше знание о них в суждении. Однако все данное неясно можно перевести в предметную установку, то есть сделать ясным и отчетливым.

Ко второму виду сложностей познания, которые можно выделить в работах Сеземана, относится отсутствие адекватной категориальной формы выражения в суждении нашего знания о них. Речь, прежде всего, идет о процессе движения, которое представляет собой процесс становления и которому изначально свойственна неопределенность. Сеземан считает, что с помощью традиционного категориального аппарата невозможно адекватно описать эту неопределенность и предлагает описывать движение с помощью категории возможности. Использование категории возможности для познания движения требует учета прошлого целостного контекста, внешних и даже неизвестных факторов. Так, в случае с познанием становления Сеземан, говоря его языком, пытается рационально описать иррациональное. Но поскольку наше познание является дискретным, это невозможно сделать в полной мере. Соответственно, Сеземан приходит к выводу, что окончательное достижение истины возможно лишь в мистической интуиции, в которой сливается в некоторое единство Я и мир, духовное и материальное, субъект и объект, всеобщее и единичное.

Границы исторической памяти:
дневники и «биографические ситуации»
(С. Франк)

Дарья М. Дорохина
*кандидат философских наук, ст. преподаватель, РГГУ,
Москва, Россия, dadorohina@yandex.ru*

Frontiers of historical memory diaries
and “biographical situations”
(S. Frank)

Dar'ya M. Dorokhina
*Cand. of Sci. (Philosophy), senior lecturer, RSUH,
Moscow, Russia, dadorohina@yandex.ru*

Abstract. S. Frank formulated his own biographical method in a series of essays on A.S. Pushkin. Novels, poetry, philosophical prose can themselves be autobiographical material. Frank does not recognize the essential significance of ordinary biography. The factology of everyday life leads away from the main thing. A biography is possible only in the form of a description of the spiritual development of the author. Thus, the experience of spiritual transformation becomes an important motive for creativity. For a “biography” of this kind, we turn to diaries and letters. F. Bubbaier, the main biographer of S. Frank, comes to the conclusion that the work “Incomprehensible” has become a spiritual diary for the philosopher.

Keywords: Frank, biography, diaries, biographical situations, Schutz, Sztompka, Beck, Giddens, social theory

Доклад будет посвящен вопросу о том, легитимно ли само себе включение биографического контекста автора в исследование его философской системы, или философская система существует отдельно, помимо биографии? Если мы включаем биографию автора в его философскую систему, то как методологически это может быть обосновано? Современная социальная философия предлагает разные пути интерпретации биографического контекста. В свое время А. Щюц ввел понятие «биографическая ситуация». Здесь описание жизни интерпретируется в форме «сознательной истории», как система онтологически предзаданных соответствий. Есть значимая на

уровне личной истории ситуация, которая определяет отдельные элементы этой «сознательной истории»: запас и структуру знания, убеждения, мнение, интересы, систему планов. По мысли Щюца, способ поведения человек формирует, исходя из «биографической ситуации». Творческие проекты – лишь один из путей проживания онтологически предзаданной «ситуации». С другой стороны, социальные теоретики Э. Бек, Э. Гидденс писали о «биографизации и биографической эмансипации», распространившейся в XX в. П. Штомпка ввел понятие «социальной экзистенции», эксплицирующее человеческие действия в коллективных контекстах.

Все это разные примеры методических обоснований исследования биографического контекста философских систем. Но приближает он нас к реальности или уводит от нее? Если мы изучаем авторов, охваченных, по выражению С. Франка, «всемирной историей», мы вынуждены искать соответствие между фактами «всемирной истории» и фактами «сознательной истории». Более того, работая с документальными свидетельствами человеческой жизни, мы находимся «в зоре между фактичностью и реальностью» (Н.Н. Козлова).

В докладе мы бы хотели обратиться к размышлениям «небиографического человека» С. Франка. Нам известно, что Франк без энтузиазма относился к созданию собственной биографии. Однако он сформулировал свой собственный оригинальный «биографический метод». В позднем цикле о А.С. Пушкине, публикуемом с 1933 по 1949 гг., Франк пишет о том, что поэтические произведения также вполне могут быть интерпретированы как автобиографический материал. Позиция Франка сводится к тому, что биографические подробности могут быть интересны только в том случае, если позволяют реконструировать духовную биографию. А все то, что не отражает глубины религиозного чувства, признается внешним, наносным и непринципиальным. Ф. Буббаейр называет «Непостижимое» основным философским дневником Франка. Именно в нем отражен путь духовного становления философа.

Ключевые слова: Франк, биография, дневники, биографические ситуации, Щюц, Штомпка, Бек, Гидденс, социальная теория

Секулярное как политическая теология
в религиозной философии П.А. Флоренского

Артем П. Соловьев

*кандидат философских наук, заведующий кафедрой религиоведения
Казанского федерального университета, artstudium@yandex.ru*

Secular as political theology
in religious philosophy of P.A. Florensky

Artem P. Solov'ev

*Cand. of Sci. (Philosophy), Head of the Department of Religious Studies,
Kazan Federal University, artstudium@yandex.ru*

The paper is devoted to the problem of understanding the secular as political theology in religious philosophy of P.A. Florensky. The connection between the concept of “political theology” and the concept of “secular” is carried out in accordance with the approach of K. Schmitt. Schmitt’s approach is proposed to be expanded to understand political theology as borrowing the structure of theistic theology by other means for secular purposes. In the paper, this approach is used to identify what can be defined as the analysis of “political theologies” in the works of P.A. Florensky. This use of theological principles for secular purposes makes it possible to call the project of the future state in Florensky’s terminology a “myth”, which he characterizes in the “Philosophy of Cult” as a product of the rationalization of the cult, as a dogma that has acquired a purely theoretical character. This determines the need to interpret Florensky’s project of state structure in the future as a criticism of the existing Soviet political theology, which Florensky completes to its logical conclusion, showing its initially religious character.

Keywords: Russian religious philosophy, secular, political theology, myth, cult, culture, Florensky, Schmitt, state of future, dogma, orthodoxy

Секулярное чаще трактуют как результат устранения религии из общественной жизни, уничтожение религии или как вытеснение религии из общественной в частную сферу. Однако эти варианты понимания секулярного настолько близки, что все вместе не стыкуются с таким пониманием секулярного, которое предполагает, что секулярное – это то же религиозное, но осуществляемое иным, имманентным, образом. У К. Шмитта так понимаемое секулярное

получает наименование «политической теологии». Примерно в то же время у П.А. Флоренского можно встретить аналогичное понимание секулярного.

В 10 лекции курса «Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания» (1921), Флоренский формулирует понимание секулярного в духе расширенно интерпретируемой политической теологии. Он пишет о том, что «все научные-экономические и тому подобные концепции – развиваются путем секуляризации: с одной стороны, образуются понятия утилитарные, а с другой – понятия научные». Ранее, в лекции «О принципах исторического познания» (1917), Флоренский говорил о понимании законов природы в современной науке как о секуляризации теологических концепций.

Для Флоренского все секулярные понятия имеют своим истоком культ, религию. А в «Философии культа» Флоренский прямо выводит все секулярное из культа и обосновывает наличие культового аспекта в секулярном, понятном именно как «политическая теология».

В 1933 г., будучи в заключении, он пишет текст «Предполагаемое государственное устройство в будущем». Вне зависимости от того, каковы были интенции Флоренского, это – политико-теологический проект, несомненно скрывающий свою теологичность. Тут религия допускается до тех пор, пока оно не посвящает на то, что подлинно «сакрально» – «предметы общегосударственного значения». Но когда текст доходит до организации власти, он обнаруживает власть как секуляризацию догмата о Боге-Творце.

Политико-теологическим оказывается предложенный Флоренским способ организации вертикали власти. По сути, он напоминает способ организации небесной иерархии, чинов ангельских в христианской традиции. Точно так же и принцип совещательности власти отсылает к образам Предвечного Совета Пресвятой Троицы (см.: Быт. 1:26), Вселенских Соборов, которые у Флоренского секуляризуются в его теории организации власти и превращаются в политико-теологические принципы.

Такое использование теологических принципов для секулярных целей позволяет назвать проект будущего государства в терминологии Флоренского «мифом», который он характеризует в «Философии культа» как продукт рационализации культа, как догмат, приобретающий сугубо теоретический характер. Это определяет необходимость интерпретировать проект государственного устройства в будущем Флоренского как критику существующей советской политической теологии, которую Флоренский достраивает до ее логического завершения, показывая ее исходно религиозный характер.

Научное издание

VII Международная научная конференция

САД РАСХОДЯЩИХСЯ ТРОП:
Булгаков, Розанов, Флоренский, Дурьлин et cetera

17–19 мая 2022 г.

Сост., ред.: А.И. Резниченко, Д.М. Дорохина

Уч.-изд. л. 2,9.
Заказ № 1467

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru